

ЧОН ЧХОЛЬ

*ОДНОВЕРИ
МУДРАБ*

ИЗ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ XVI ВЕКА
ПЕРЕВОД А. ЖОВТИСА

И (Кор)

Ч 75

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
Л. КОНЦЕВИЧА

ПОДСТРОЧНЫЙ ПЕРЕВОД
СТИХОВ С КОРЕЙСКОГО
Н. ИЦКОВОЙ И Л. КОНЦЕВИЧА

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
В. СУРИКОВА

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

Ч $\frac{70404-349}{028(01)-75}$ 194-75

ЧОН ЧХОЛЬ И ЕГО ПОЭЗИЯ

Среди культурных ценностей средневековой Кореи существовала целая система имен-символов, которых удостаивались литераторы, художники, ученые... Так и замечательный корейский поэт XVI века Чон Чхоль известен больше под литературным именем «Сонган», дословно означающим «сосна и река». В посмертном адресе поэту одного из его современников истолковывается первая часть псевдонима: «Внешность Чон Чхоля была подобна сосне, а стойкостью он напоминал бамбук, засыпанный снегом». И действительно, эта образная характеристика человека, который остается чистым в своих принципах и незыблемым в убежде-

ниях при любых обстоятельствах, полно и точно передает смысл жизни и творчества поэта, сумевшего создать первый авторский сборник стихов на родном языке и довести до совершенства жанры национальной поэзии в условиях господства китайских художественных канонов в литературном мире Кореи.

Несметны голоса поэтов, слагавших стихи на официальном литературном языке «ханмун»¹ со строгим соблюдением форм, присущих тому или иному жанру китайской классической поэзии. Но сердцевину корейской средневековой литературы составляет поэзия на родном языке, которая обрела возможность самостоятельного развития с изобретением корейского звукового письма в середине XV века. Труден был ее путь вплоть до конца девятнадцатого столетия: с пренебрежением, свысока относились к ней в придворных литературных кругах, где в основном формировались эстетические вкусы. Одним из тех, кто попытался изменить это положение, был Чон Чхоль.

¹ Х а н м у н — корейская разновидность китайского письменного языка «вэньянь».

Как известно, у каждого народа и в каждую эпоху есть свои выдающиеся таланты, и нередко активность их проявляется в период социальных неурядиц, застоя в жизни общества. Чон Чхоль жил и творил в смутную для Кореи пору.

Рост крупного землевладения и ослабление централизованного феодального государства в XVI веке вызвали обострение классовых противоречий, выразившихся, в частности, в массовом бегстве крестьян с насиженных мест, в народных волнениях. Кроме того, ожесточенные распри внутри господствующего класса, начавшиеся в первой четверти XVI века, привели к возникновению в 1575 году двух группировок — «западной», представлявшей старую столичную знать, и «восточной», отражавшей интересы молодых конфуцианских ученых¹. Эта междоусобная рознь, словно ржавчина, разъедала силы страны в канун тяжелого испытания для корейского народа — Имджинской войны про-

¹ Придворные группировки получили эти названия в соответствии с западной и восточной частями корейской столицы, в которых проживали их сторонники.

тив японских захватчиков в 1592—1598 годах,— из которой он вышел победителем. «Если так пойдет и дальше,— писал о положении в стране современник Чон Чхоля крупнейший мыслитель и государственный деятель Ли И,— то через несколько лет народ непременно взбунтуется, а страна погибнет. Народ настолько истощен, что сил у него не больше, чем у мертвеца, а дух его столь слаб, что трудно поддерживать его даже в мирное время. А что будет, если надвинется опасность извне — с севера или юга? Не уподобится ли он тогда листку, сорванному ураганом?» Да, было над чем задуматься передовым умам, людям, не безразличным к судьбе своей родины. Не потому ли в творчестве Чон Чхоля так тесно переплелись пессимизм и жизнелюбие, недовольство окружающим и преданность интересам страны?

Он родился в шестой день добавочного тринадцатого лунного месяца в год «пёнсин», то есть, в переводе на европейское летосчисление, 27 января 1537 года. Был он четвертым ребенком в семье довольно крупного придворного сановника, связанного родственными узами с ко-

ролевской фамилией. Во время посещения дворца короля Инджона (1515—1545) юному Чон Чхолю не раз случалось играть с наследным принцем, будущим государем Мёнджоном, что наложило отпечаток на их дальнейшие взаимоотношения. В 1545 году в борьбе за трон между родственниками жен скончавшегося короля погибли принц Керим, за которым была замужем сестра Чон Чхоля, и его сподвижники из конфуцианских ученых. Произошло трагическое событие, известное в истории, как «убийство ученых в год «ыльса». Отец Чон Чхоля вместе с семьей был сослан в южные районы страны, в Чханпхён (провинция Южная Чолладо). Из-за невзгод, выпавших на долю семьи, Чон Чхоль только в 1551 году, когда отец был прощен, возвратился в столицу и продолжил свое запоздалое образование. Учителями Чон Чхоля были известные в то время философы-конфуцианцы и знатоки танской поэзии Ки Дэсын и Ким Инху. Последний, по-видимому, привил будущему поэту и вкус к стихосложению на родном языке. Общение с образованнейшими людьми века оставило неизгладимый след

в духовном облике Чон Чхоля. Есть сведения, что он учился в знаменитом монастыре Наксанса. Иными словами, Чон Чхоль удалось получить превосходное по тем временам образование.

В 1562 году он занял первое место на государственных экзаменах на гражданский чин, а в марте следующего года блестяще выступил на конкурсе, организованном Ведомством по конфуцианскому образованию. Король Мёнджон узнал в победителе друга детских лет и торжественно преподнес ему чашу вина и угощение. Тут же Чон Чхоль была пожалована высокая должность в Прокурорском приказе.

Но дальнейшая карьера Чон Чхоля сложилась вовсе не гладко: служба при дворе не разменялась изгнанием или же добровольным отшельничеством. Нередко причиной тому оказывался характер поэта: его прямота, бескорыстие, неподкупность. Как-то во время службы в Прокурорском приказе Чон Чхоль пришлось расследовать дело о преднамеренном убийстве принцем Хёнъяном своего зятя. По закону убийцу должны были предать смертной казни.

Принц Хёнъян доводился королю двоюродным братом, и король просил Чон Чхоля замять дело. Но бескомпромиссный сановник настоял на том, чтобы закон был соблюден со всей строгостью. Отношения между королем и Чон Чхоль охладилась: последний за послушание пять лет не получал повышения по службе. Только в 1567 году Чон Чхоль и философ Ли И были избраны в члены придворной академии Оксан («Яшмовый зал»).

С воцарением Сонджо он занимал ряд ответственных постов. В 1570 году умерли сначала отец, а вскоре и мать Чон Чхоля, и придворный академик покинул столицу Хансон (Сеул) для совершения траурных обрядов в Сэвоне (провинция Кёнгидо), где и оставался до 1575 года. В этот период Чон Чхоль написал много произведений на ханмуне и первые стихи на корейском языке.

В 1575 году произошел раскол феодальных группировок на враждующие «партии». Поэт возвратился в столицу с благим намерением примирить их, но план его провалился. Сам Чон Чхоль принадлежал к «западной» группи-

ровке. Однажды он оскорбил одного из влиятельнейших деятелей оппозиционной «партии» — Ли Баля и тем самым усилил к себе ненависть со стороны его единомышленников. И хотя в то время «западные» имели преимущественное влияние на короля, все же Чон Чхоль счел разумным оставить службу и уехать в Чханпхён, где прошли его юные годы. Здесь продолжил он литературные занятия: появились новые произведения на ханмуне, более зрелыми стали корейские стихи в жанре «сиджо».

В 1580 году Чон Чхоль вызывают во дворец и назначают на пост губернатора провинции Канвондо. И снова поэт, вдали от придворных интриг, получает возможность свободно мыслить и творить. Ранней весной совершает он поездку в Алмазные горы. Восхищенный пейзажами родной природы, великолепием восьми достопримечательностей Квандона, Чон Чхоль сочиняет свою знаменитую поэму «Путешествие в Квандон» в жанре «каса». Ко времени его губернаторства в Канвондо относится и создание цикла коротких стихов-песен «Наставления народу».

Последующие годы отмечены все той же враждой придворных группировок, победой «восточных» над «западными», частыми перемещениями Чон Чхоль по службе. Менялись провинции, в которых он губернаторствовал, и придворные должности его в столице — от председателя Палаты церемоний до главы специального Управления по обеспечению спокойствия среди родственников царствующей фамилии. В любой обстановке поэт-сановник оставался верен себе: не льстил и не слушал лести, предпочитал поступиться службой, нежели собственным мнением.

В 1584 году умирает Ли И, много сил потративший для водворения мира в столице. Травля «партии западных» усиливается. Мишенью для нападок на Чон Чхоль становится его склонность к вину. Королю стараются внушить, что человек этот не соответствует занимаемым им высоким должностям. В такой обстановке Чон Чхоль вынужден — в который раз! — покинуть столицу и уехать сначала в уезд Коян, а затем в Чханпхён. Здесь, у подножья горы Танджисан, поэт живет четыре го-

да в тиши и уединении, избрав своими друзьями журавлей, парящих в небе, любимые книги и мелодичную игру на комунгё. На этот период приходится пора расцвета поэтического дарования Чон Чхоля. Он пишет здесь лучшие поэмы и короткие стихотворения на корейском языке.

В 1589 году раскрывается заговор «восточных» против короля, и Чон Чхоль немедленно возвращается в столицу. Тронутый неизменной преданностью опального поэта, король предлагает ему пост «правого» (то есть второго) министра в Государственном совете, а вскоре назначает «левым» (первым) министром. «Восточные» продолжают плести интриги против Чон Чхоля, и отношение короля к нему постепенно охлаждается. Прямота суждений подданного, его нетерпимость к фальши задевают чувства короля, привыкшего к лести. Особенно острым было столкновение сюзерена с вассалом по вопросу о выборе наследника: у короля не было сыновей по прямой династийной линии, и по совету друзей Чон Чхоль вместо принца Сиджона, выдвинутого монархом, предложил

принца Кванхэ. Это вызвало недовольство короля и привело к очередному, на сей раз последнему, изгнанию поэта, которое он провел в разных местах Кореи.

В конце мая 1592 года японские полчища под водительством Хидэёси высадились в Пусане. Началась Имджинская война. У Южных ворот дворца король Сонджо обратился к народу. Едва он кончил говорить, из толпы вышел глубокий старец и громко попросил для Чон Чхоля прощения. Этот факт сам по себе свидетельствует о многом. Народ вспомнил о мудром сановнике: в тяжелые для Кореи дни только Чон Чхоль и такие, как он, могут спасти страну от порабощения. Поэт был освобожден из ссылки особым указом. Тут же он отправился в Пхеньян, чтобы встретить короля и его свиту, бежавших из Хансона, куда вот-вот должны были вступить японские войска. Он переправил королевский двор на остров Канхвадо, получил назначение командующего войсками провинций Чолладо и Чхунчхондо, провел несколько удачных боевых операций против японской армии. В 1593 году он возглавил посоль-

ство в Китай. После успешной миссии Чон Чхоль вернулся на остров Канхвадо, где и скончался в восемнадцатый день двенадцатого лунного месяца в год «кечхук», то есть 7 февраля 1594 года. В Корее не стало удивительной личности — поэта, мыслителя, государственного деятеля. С болью писал его современник поэт Квон Пхиль в стихотворении на ханмуне «Проходя мимо могилы Сонгана»:

Опадает листва с дерев,
дует ветер, дождь моросит.
Отрешенно звучат слова
в песне той, что создал поэт.
Как печально мне одному —
не с кем выпить чашу вина!..
Он вчера лишь стихи слагал —
он сегодня в могиле спит¹.

Спустя девяносто лет, в 1685 году Чон Чхоль в ряду с другими выдающимися писателями и поэтами Кореи был удостоен посмертно звания «Мунчхон» — «Блестящего литератора».

Литературное наследие его довольно велико. «Сочинения Сонгана» в семи книгах собрал и издал после смерти поэта, в 1632 году, его сын Чон Джонмён. В них включены 570 произве-

¹ Перевод А. Жовтиса.

дений, написанных на ханмуне в традиционных жанрах китайской изящной словесности: поэзия, эпистолярная проза, эссе, эпитафии, заметки при чтении, сочинения в форме вопросов и ответов, записки о разном, доклады на высочайшее имя, комментарии к произведениям классиков, жизнеописания и прочие. Высокая оценка этим сочинениям дана в «Летописи правления короля Сонджо»: «Стихи и проза его (Чон Чхоля) возвышенны и радостны, подвижны и стремительны. Стиль письма его искусный и свободный». Стихи на ханмуне, созданные Чон Чхолем в период Имджинской войны, полны патриотического пафоса.

Но не эти произведения на ханмуне, как бы хороши они ни были, принесли поэту неуязвимую славу. Небольшой сборник стихов «Сонган кас» стал важной вехой на пути развития корейской поэзии на родном языке. Он публикуется здесь в переводе Александра Жовтиса, известного популяризатора корейской лирики в нашей стране.

Первое издание сборника «Сонган кас», вышедшее в 1690 году, не сохранилось. Самым

ранним из дошедших до наших дней считается издание, предпринятое праправнуком поэта — Чон Чхоном в 1747 году в Сонджу и повторенное в 1768 году в Пхеньяне. В него вошли четыре поэмы (каса), восемьдесят два трехстишия (сиджо) и одно «удлиненное сиджо» (чан-сиджо).

Каса («песенные строфы», поэмы) представляли собой форму «длинного стиха», в котором строка состояла из двух полустиший с двумя четырехсложными (реже трехсложными) стопами в каждом. Число строк было неограниченным и зависело от музыкальной мелодии (каса декламировали нараспев под аккомпанемент музыкальных инструментов). Поздние каса эпического характера напоминали ритмическую прозу. Первые образцы каса принадлежат Чон Гыгину (1401—1481). Заслуга Чон Чхоля в том, что он довел этот жанр до совершенства и открыл богатейшие возможности для его развития.

Сиджо («современные напевы») — другой, не менее распространенный жанр корейской поэзии на родном языке в XV—XVIII веках. Это —

короткое трехстишие, в котором каждая строка делится на два полустишия (откуда и возникла в переводе форма шестистишия), состоящих из двух стоп (пятое полустишие — из трех стоп). Начальная стопа чаще всего бывает трехсложной, конечная — четырех- и пятисложной. В первой строке намечается тема стихотворения, во второй она развивается, третья строка подводит итог поэтической мысли. Сиджо пелись. Чон Чхоль показал свое мастерство и в этом жанре, открыл форму «удлиненного сиджо», в котором длина строки и количество строк увеличивались. И пусть поэтический язык сиджо Чон Чхоля еще не достиг той отточенности, которая присуща стихам этого жанра у Юн Сондо (1587—1671), но ни одно из них не утратило и поныне своего обаяния.

В истории корейской средневековой литературы, пожалуй, не найти другого авторского сборника стихов, да еще на корейском языке, который бы снискал такую популярность, как «Сонган каса». Писатели и поэты прошлого признавали его истинную художественную цен-

ность. Зачинатель идейного течения «сирхак» («реальных наук») Ли Сугван считал касу Чон Чхоль «лучшими песнями нового времени». Автор первых романов на корейском языке Ким Манджун и поэт Ким Чхунтхэк единодушно проводили параллели между касой Чон Чхоль и произведениями великого древнекитайского поэта Цюй Юаня, в частности, его «Поэмой скорби и гнева» («Лисао»), называя творчество этих поэтов «соперничеством солнца и луны». Тот же Ким Манджун нарек сборник Чон Чхоль «литературным канонем на родном языке».

Чем же вызвана такая высокая оценка произведений поэта? Прежде всего их гуманностью и глубоким лиризмом, красотой и музыкальностью стиха. Чон Чхоль, познав эстетику «ясности», «простоты» и «лаконичности», выразил ее удивительно образным, понятным народу языком. «Каждое слово (в его стихах) плачет, каждая фраза прозрачна», — отмечалось в предисловии к его сочинениям. И действительно, поэт показал все величие родного языка в тончайшей форме словесного искусства — поэзии

Масштабность, динамизм и экспрессивность — характерные черты творческой манеры Чон Чхоль. Оберегая на службе, сохраняя в годы изгнания и отшельничества интеллектуальную свободу, поэт как бы заново приоткрыл эстетическую и духовную ценность природы для внутреннего мира человека. Ключ к его поэзии лежит также в силе и своеобразии личности самого Чон Чхоль. Его произведения — это эмоциональный слепок с его жизни. Чаще всего они создавались под впечатлением каких-либо событий, личных или общественных.

Хотелось бы обратить внимание еще на один немаловажный момент. Корейские литераторы прошлых веков, да подчас и современные исследователи, трактуют почти все касу Чон Чхоль, особенно «Тоскую о милом» и «Разговор двух женщин», а также ряд сиджо только как послания опального поэта к королю Сонджо. Конечно, в его произведениях нередко можно встретить корейское слово «ним», что значит «государь, господин, хозяин». И в некоторых стихах оно употребляется в этом, прямом, смысле. Поэт, как истый конфуцианец, верит в

свое предназначение преданно служить государю. Согласно конфуцианскому учению, совершенный человек служит и тем способствует процветанию страны. Поэтому понятие «государь» в стихах Чон Чхоля обычно равнозначно понятию «государство». Поэт, в отличие от других придворных, не гонится за милостями короля, он не одержим и жаждой власти. Он печалится о верности и долге без тени лести и приспособленчества. И эта высокая искренность дорого ему обходится (из-за интриг завистников он не раз оказывается в изгнании), но одновременно вселяет в него силы во всех критических ситуациях.

Впрочем, гораздо чаще под словом «ним» Чон Чхоль подразумевает «любимый, любимая», как бы подчеркивая высшую форму любви и уважения между женщиной и мужчиной. Ведь традиционная конфуцианская сдержанность в те времена не позволяла в поэзии открыто выражать интимные чувства к любимой. Поэтому Чон Чхоль вынужден был прибегать к поискам своеобразных средств выражения, инсказаньям и в теме любви. Именно такое пони-

мание «ним» мы находим и в стихотворении Ли Аннуля, младшего современника поэта, «Слушая каска Сонгана»:

Кто там в устье пустынной реки
о любимой песню поет?
С одинокой лодки своей
я слежу, как заходит луна,
И тоска моя все сильнее —
ни конца ей, ни края нет,
Но об этом на всей земле
знает только душа одна! ¹

Вот почему обращения Чон Чхоля к «королю» в переводах заменены во многих случаях обращениями к «любимой», а если героиня женщина, то — к «любимому». Такова специфика лирической поэзии эпохи средневековья — не только корейской.

Поэма «Путешествие в Квандон» (1580) — самая крупная и значительная по содержанию каска Чон Чхоля. Восемь достопримечательностей Алмазных гор, которые, единожды увидев, нельзя не воспеть, были излюбленной темой корейской литературы и до него (например, в од-

¹ Перевод А. Жовтиса.

ноименной поэме Ан Чхука, XIV в.). Но ни до Чон Чхоля, ни после него не было создано художественного описания корейских пейзажей столь впечатляющей силы, нигде красота удивительных творений природы не была столь глубоко философски и поэтически осмысленна.

Поэмы «Тоскую о милом» и «Разговор двух женщин» (1585—1588) — произведения настолько лиричные и грустные, что, по словам корейского живописца XVIII века Ким Сансука, «способны вызвать слезы у читателей». «Разговор двух женщин» — редкий пример формы двухголосья в корейской литературе того времени.

В «Сонсанских напевах» раскрыта собственная судьба Чон Чхоля: бегство от мирской суеты к «горам и водам», гармония между человеком и природой стали для поэта средством обретения внутренней независимости.

В небольшом стихотворении в форме «удлиненного сиджо» «Время пить вино» Чон Чхоль не просто поет гимн вину и радостям жизни, но задумывается над извечной проблемой —

проблемой жизни и смерти. По мысли это произведение перекликается с лучшими образцами древней поэзии на Дальнем Востоке.

В лирических миниатюрах — сиджо — отражен многообразный мир поэта. Здесь есть стихи о любви, есть и пейзажная лирика. В нескольких коротких стихотворениях звучит тема труда, тема сочувственного отношения к немущим. Ряд стихотворений отражает отшельнические настроения поэта, выразительные строки посвящает он вину. Вместе с тем лирике Чон Чхоля не чужды и тема преданности королю, и политические мотивы.

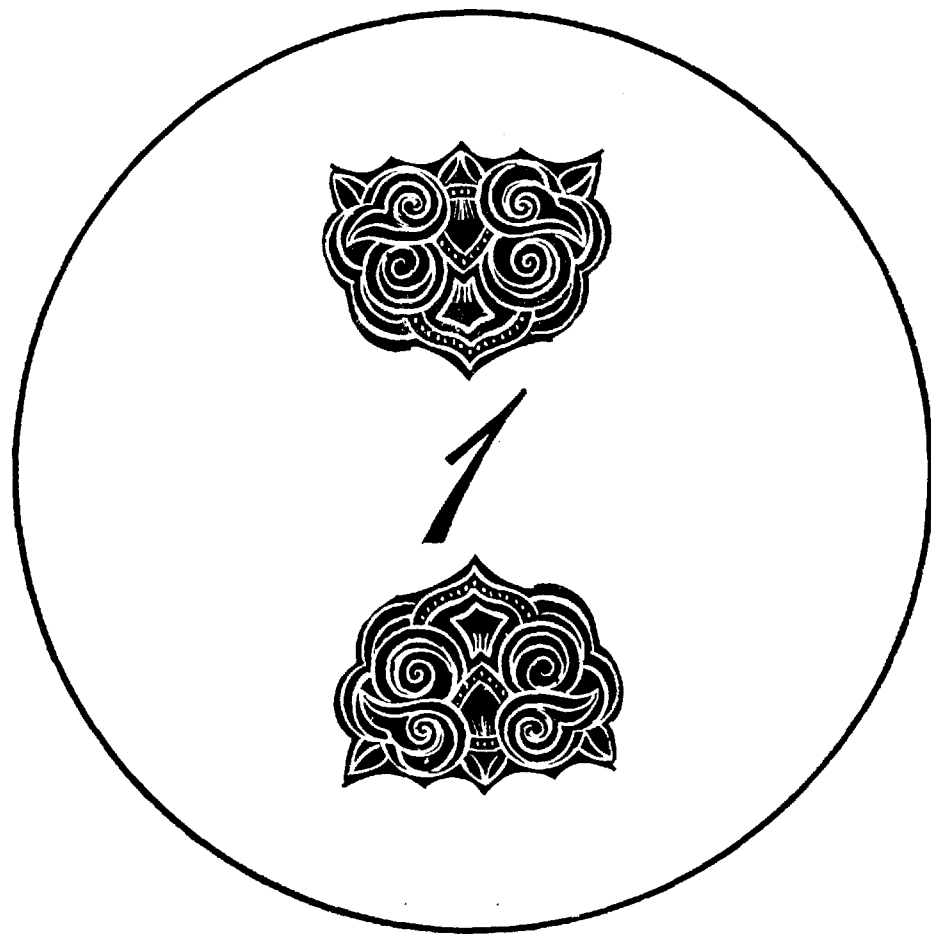
Особо следует остановиться на цикле ранних сиджо Чон Чхоля «Наставления народу». Прообразом для создания этого цикла послужило китайское сочинение XI века «Цюань ю вэнь» — «О воодушевлении и просвещении народа», в котором проповедовались важнейшие устои конфуцианской морали. Чон Чхоль попытался выразить суть этих устоев стихами в воспитательных целях. Есть сведения, что стихи эти распевали в корейских селениях вплоть до середины XVIII века.

Почти все кася Чон Чхоля были переложены на ханмун; они стали образцами для подражания поэтам более позднего времени. Например, поэма «Тоскую о милом» была издана в переводе на ханмун в 1764 году с иллюстрациями на шелке в виде роскошного альбома. Многие сиджо Чон Чхоля вошли в различные сборники и антологии. Они передавались изустно и в рукописных списках. Их исполняли профессиональные певцы и певицы (кисэн). К кася писались ноты, а сиджо располагались в антологиях по мелодиям. Некоторые поэмы легли в основу народных песенных сказов (пхансори).

Стихи Чон Чхоля известны за пределами Кореи: они переведены на английский, французский, японский, китайский языки, неоднократно публиковались они в нашей стране. Поныне остаются они величайшей драгоценностью корейской классической литературы.

Л. Концевич

В настоящем очерке частично использованы материалы исследования Н. Ицковой «Поэмы-кася Сонгана: образы и идеи».

Как весело двум бабочкам порхать
Среди цветов и пышных трав весенних!

Как весело двум птицам щебетать
Среди листвы зеленых ив над речкой!

Живые существа всегда вдвоем —
И только я один на целом свете...

Зачем, старик, несешь ты эту ношу?
Давай-ка лучше я ее возьму!

Я молод и силен, и груз тяжелый,
Взвалив на плечи, донесу легко.

А ты с собой повсюду старость тащишь,
Она ведь и сама — тяжелый груз!

Дождь, хмуро морозящий над полями,
Могу я, верно, пренебречь тобой?

Плащ из травы, соломенную шляпу
Могу я, верно, и не надевать?

Наряд придворный навсегда я сбросил,
И больше, дождь, я не боюсь тебя!

Одну струну на комунгó я тронул —
И обрела покой моя душа.

Другой струны коснулся осторожно —
И жалобно заплакала струна.

Как может быть, чтобы печаль исчезла,
Когда живет разлука на земле?!

Над тихою водою тень скользнула —
По мостику идет старик монах.

Скажи мне, все дороги исходивший,
Куда теперь ты направляешь путь?

Не замедляя шаг, он поднял посох
И молча мне на небо указал.

Что знаем мы, что помним о Лю Лине?
В эпоху Цзинь прослыл он мудрецом.

Что нынче нам известно о Чон Чхоле?
Чудак — о нем повсюду говорят.

Так суждено — слыть мудрым одному,
Так суждено — слыть чудаком другому!

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

I

Журавль, всегда паривший в небе синем,
С подоблачных высот спустился вниз.

Наверно, посмотреть ему хотелось,
Как на земле у нас живетя людям...

Они его исправно ощипали —
И к небесам он больше не взлетел!

II

О, если бы, лишенный оперенья,
Я крылья для полета вновь обрел

И взмыл под голубые небеса
Стрелой, выпущенною из лука,

Тогда бы снова я увидел ясный
И добрый мир, в котором прежде жил!

Простой народ провинции Канвондо,
Зачем живешь ты в спорах и вражде?

Должно быть, без труда ты обзавелся
Домами, и плугами, и землей?

Но ты сумеешь ли, народ Канвондо,
Любовью к ближнему обзавестись?

О, как безжалостно в густом лесу
Высокие деревья вырубают!

Настанет время — подпирать придется
Давно уже ветшающие своды

Большого королевского дворца...
Где ж мы найдем тогда ему опору?!

О ВЕРНОСТИ

I

Зачем ты остаешься в этом доме,
Где все разбито и разорено.

Где утварь вся давно пришла в негодность,
Где даже черпака не отыскать,

Где нет в обед ни ячменя, ни проса?
Чего, скажи мне, ты от жизни ждешь?

II

Нет на обед ни ячменя, ни проса,
Котел разбился, и черпак пропал.

Давным-давно пришла в негодность утварь,
И покосился мой убогий дом.

Но если милая как прежде любит,
Я буду жить и буду ждать ее!

Пусть у меня всего одна рубаха —
Я выстираю дочиста ее.

На жарком солнце высушу, а после
Проглажу хорошенько и надену...

Под чистой тканью мускулы играют,
Взлетают плечи, словно два крыла!

Вчера сказал мне кто-то, что вино
На радость нам созрело у Сон Хона.

И, подковав ленивого быка,
К приятелю я нынче еду в гости.

«Эй, мальчик! Дома ли почтенный Сон?
Скажи ему, что это Чон приехал!»

ХОЗЯИН ПОСТОЯЛОГО ДВОРА В СЭВОНЕ

I

Хозяин постоянного двора
С проезжим человеком целый день проводит:

Одни — во двор, другие — со двора,
С тем поздороваться, с тем попрощаться!

Не говори: «Сидит себе да смотрит!»
Скажи ему: «Спасибо за труды!»

II

Хозяин постоянного двора,
Надев и плащ и шляпу из соломы,

Бамбуковую удочку берет,
Под мелким дождиком, косым от ветра,

Идет на речку к отмели песчаной,
Где красные цветы горца цветут...

III

Хозяин постоянного двора,
Закрыв свой дом, уехал из Сэвона.

Средь светлых речек, среди темных гор
Он странствует — и подружился с ними...

Когда б однажды прибыл он в Пёкче,
Я сам бы выехал ему навстречу!

Из горьких горных трав похлебку ем —
И кажется она вкусней, чем мясо.

Мой камышовый домик для меня
Милей, чем раковина для улитки.

А на душе, увы, покоя нет:
Любимый далеко — и он тоскует!

Когда отлив, а берега безлюдны,
Я жду тебя. Что ж не приходишь ты?

Когда восходит месяц над горами,
Я жду тебя. Что ж не приходишь ты?..

Где ж я теперь любимого увижу?
Ужель ушел — и не вернется он?

Бывает, что и дерево зачахнет:
Ни тени, ни прохлады не дает.

Когда оно стояло с пышной кроной,
Шли люди, чтобы отдохнуть под ним.

Теперь засохли ветви, листьев нет —
И даже птица на него не сядет!

Вот ритм судьбы —падения и взлеты.
Бурьян на стенах крепости Тэбан.

Лишь дудка пастуха напоминает
О том, что было здесь и что прошло...

Так выпьем же вина у очага,
Где сладок дым, где все покоем дышит!

Когда тебя хотят уверить в том,
Что слышали, как вертятся колеса
 вокруг горы священной — Симисан,

Когда тебя хотят уверить в том,
Что видели, как в жаркий летний полдень
 на хрупкий лед реки ложится снег,

Сам оцени, мой милый, много ль толку
В том, что болтают люди иногда!

В столице, где любимая живет,
Давно уж стражу пятую пробили.

С порывом ветра дальний гонга звук
Плывет ко мне через поля и горы.

О, если бы Каннама он достиг,
Чтоб и в изгнание я его услышал!

Взгляни во двор — совсем уже светло:
Возьмем мотыги, друг, и в поле выйдем.

Сначала мой участок мы прополем,
Потом на твой участок перейдем.

Потом листвы тутовника нарвем мы,
Чтоб шелковичных подкормить червей.

Эй, друг Чак Пок! Эй, Ту Джисо, мой друг!
Дождемся ли мы Праздника Мотыги?

А вы, гадалки наши Нан и Нун!
Богатый урожай нам нагадайте!

Как славно будет осени дождаться
И в праздник выпить нового вина!

Из сердца своего луну и звезды
Я вырежу — и ввысь их подниму:

Пусть в небе, что раскинулось над нами
На девяносто тысяч долгих ли,

Висят они, селенье озаряя,
В котором милая моя живет!

Когда умру, пускай речные волны
Возьмут к себе мой охладелый прах.

Пусть у далеких отмелей Хангана
Они рыдают, и о берег бьются,

И говорят любимой обо мне...
А я уже печали знать не буду!

О том, что я среди других — дурнушка,
Давным-давно известно мне самой.

Белил с румянами не покупаю
И тушью брови я не подвожу.

И вовсе я не думаю о милом,
Который должен полюбить меня!

Снег падает — и белые цветы
На пышных ветках сосен расцветают.

Одну я отломаю осторожно
И поскорее милой отнесу.

Пусть только полюбуется цветком,—
И не беда, что он потом растает!

Сказал его величество король,
Что стану я великим человеком.

Но этого совсем не надо мне —
Останусь средь людей обыкновенных!..

Прославившись, смогу ль я без помех
Всегда и всюду следовать за вами?

Мой добрый конь с обвислыми ушами
Повозку с солью медленно везет.

А разве так уж непременно надо
Быть Чхоллима — крылатым скакуном?

Как нынешние люди ненасытны —
К недостижимому всю жизнь спешат!

Минувшей ночью тучи собрались
Над сказочной долиною Улина.

Под небесами, в темной вышине,
Два феникса сошлись в жестокой схватке.

Они дрались, роняя пух и перья...
Но этого внизу никто не знал!

Когда бы мог я крыльями взмахнуть,
Подняться к небесам — и опуститься

Там, на вершине голубой Пэнлая,
Чтобы увидеть милую свою...

Мне никогда не полететь туда,
Но так не хочется мечты лишиться!

Неужто лес, пригодный на стропила,
Весь пропадет под снегом и дождем?

У полуразвалившегося дома
Хозяева ведут никчемный спор,

А плотники с линейками и тушью
Никак не могут к делу приступить!

Зачем поплыл ты, утлый наш челнок,
Навстречу ветру и волне высокой?

Ведь видели мы, отправляясь в путь,
Что собираются над морем тучи...

Остерегайтесь бед на том челне,
Которым в бурю управляют двое!

Мне ли завидовать чужому смеху,
Презрев страданье собственной души?

Мне ли в чужом пиру наполнить кубок,
Оставив горькое свое вино?..

Ужели сердце, чистое, как яшма,
Забудет первую свою любовь?

Я снова вспоминаю о тебе.
Вчера я был любим. А что сегодня?

Не сновиденье ль все, что миновало?
А может быть, что было, то прошло?

Когда б любовь осталась неизменной,
Могла б ты отвернуться от меня?

Чихни, чтоб даже носу стало больно,
Лишь так улыбку льстивую стряхнешь.

Когда же ты правдив наполовину,
Тогда, увы, любовь уходит вся!..

Покамест молодо вино, запомни:
Честь береги и прямодушен будь!

Неужто окоlesiцу я нес
И были все слова мои пустыми,

Огнивом, от которого ничто
И никогда не может загореться?

Глаза на мир когда-нибудь открою
И удивлюсь я самому себе!

Могучий вяз, растущий на пригорке,
Наверное, ты очень-очень стар?

Когда и это деревце, что встало
Тростинкой тонкой при большой дороге,

Как ты, широкой кроной зашумит,
Я чашу подниму — за долголетье!

Журавль уже куда-то улетел,
Терраса над водою опустела.

А если вслед за ним и я уйду,
Смогу ль когда-нибудь сюда вернуться?..

Уйду ли я навек, вернусь ли я —
Давай-ка мы, дружище, сдвинем чаши!

Взгляни-ка: жёмчуга сто тысяч мер
На листьях лотосов лежат с рассвета.

Когда б я мог собрать и отослать их
В тот дальний город, где живет она!

Пусть мириады капель ярким блеском
Обрадуют любимую мою!

Я вижу, как в единый цвет заката
Окрасились и небо и река.

Над зарослями камыша летает
С тоскливым криком одинокий гусь.

Уже и осень тоже на исходе...
Но нет вестей от друга моего!

Когда звезда Ноин встает на небе,
Над Павильоном Отдыха в Тени,

Я вижу: словно лес, темнеет море
И зыблется, подобно морю, лес.

Звезда все выше, дали все яснее,
И незаметно, как минует ночь!

Все разошлись. Закончена игра.
Беседка из бамбука опустела.

Я опьянел. И некому собрать
Здесь в беспорядке брошенные кости.

Стою, к сосне склонясь, и не пойму —
То ли светает, то ли вечерет...

В тот день, когда с любимой мы прощались,
Осенний ветер листья обрывал.

Уже и снег сошел, и лед растаял,
И расцвели весенние цветы.

А я грущу: нет от нее привета —
Как будто у любви не стало слов!

ВСПОМИНАЮ О ПРОШЛОМ

I

Бывало, поздним вечером я шел
На службу в королевские покои.

Здесь, во дворце владыки моего,
Я сон его стерег до пятой стражи.

И все прошло... Все минуло, как сон,—
Ворота Кванхвамун, дворец и служба.

II

Когда служил я в должности «сучхан»,
Дружили мы с вельможей Син Гунманом.

И там, у Государевых Ворот,
Не раз нести охрану нам случалось...

В моих глазах остался вечный след
Тех давних дней — и образ государя.

Я знаю, это осень наступает —
Павлония роняет желтый лист.

И холодно, так холодно ночами,
И дождик замутил речной простор

Моя любовь — за сотни ли отсюда,
А я один — и не приходит сон!

Ты проводил меня, и я уехал —
Не надо друг о друге нам вздыхать!

Ты протрезвел уже, я только выпил —
Не стоит друг над другом нам шутить!

Плащ от дождя, в ненастный день надетый, —
Под ярким солнцем разве нужен он?

Всего одной струны на комунго
Я палочкой бамбуковой коснулся,

И звук поплыл, как внешняя вода,
Что подо льдом журчит на перекате.

И стало слышно: вторя комунго,
По лotosовым листьям дождь закапал.

Бездельником я жил и шалопаем
И попусту растратил много лет.

Достойной цели в жизни не имел я
И путного не сделал ничего.

И, значит, ничего мне не осталось,
Как прогулять остаток дней своих!

Пить будем кислое вино с тобой,
Покамест кислое душа приемлет.

Есть будем травы горькие с тобой,
Покамест в них еще находим сладость.

Потом пойдем на улицу — гулять,
Покамест гвозди держатся в подметках!

Приятель Ко свой камышовый домик
Поставил там, у Южного холма.

У Южного холма — цветы и месяц,
И сосны, и утесы, и ручьи...

Должно быть, и вино там есть — иначе
Приятель Ко меня к себе не звал бы!

По нежным листьям лотоса весь день
Бил и хлестал тяжелый дождь осенний.

Но ни единого следа нигде
На чистой их поверхности не видно...

Останься незапятнанной и ты,
Душа моя, как этот лист широкий!

Зачем ты встала, стройная сосна,
Над горною тропою у обрыва?

Не веришь в то, что близок день и час,
Когда ты с высоты своей сорвешься?

А может, ждешь, чтоб, под гору стацив,
Тебя на части люди изрубили?

Любуюсь яшмовым старинным кубком,
Как любовался десять лет назад.

За эти годы не переменился
Его прозрачно-белый нежный цвет.

Так почему же сердце человека
День ото дня становится другим?

Я ничего не слышу левым ухом,
Я ничего не вижу правым глазом,

И заложило нос, и рот свело —
Не чувствую ни запаха, ни вкуса,

И все-таки скажу тебе, вино:
Мне так не хочется с тобой расстаться!

К пятидесяти жизнь моя подходит,
Но мне вино, как прежде, подают.

Я улыбаюсь, как в былое время,
Хоть для улыбки этой нет причин:

Ведь все, что радовало нас когда-то,
В конце концов нам суждено забыть!

Два будды каменных всю жизнь стоят
Друг против друга у большой дороги.

Снег падает на них порой ненастной,
И хлещет дождь по их нагим телам.

Но нашей человеческой разлуки
Они не знают: позавидуй им!

Наверное, великому Цзя И
Я показался бы смешным и глупым:

Заботы и тревоги всех живущих
Взвалил на спину и несу один.

Не потому ль с утра до поздней ночи
Я плачу и вздыхаю тяжело?

С высокой башни, что парит доныне
Над громкой славою восьми веков,

Литого колокола дальний звон
Плывет ко мне в беседку над обрывом,

Разносится над тишиной полей,
Сливается с безмолвием вечерним...

*НАСТАВЛЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СОМНЕНИЯ*

Отец меня для жизни породил,
Мать выкормила сына и взрастила.

И разве не благоволеньем их
Судьба моя означена сегодня?

За доброту, безбрежную, как небо,
Когда и чем смогу я отплатить?

О братья! Старший брат и младший брат!
Вы, грудью выкормленные одною!

Вы, повторившие один другого
И обликом своим и обхождением!

Утешьте нас, раздоры прекратите,
Из сердца выбросьте и зло и гнев!

Обходит ли мужчина стороной
Ту улицу, где женщину заметит?

Или она, увидевши его,
Спешит свернуть в ближайший переулок?

Не муж и не жена — они должны,
Как принято, не замечать друг друга!

Пусть ночью крик младенца не тревожит
Родителей, уснувших крепким сном:

Положено ему самой природой
То грудь просить, то всхлипывать порой.

И как бы ты его ни положил,
Младенец он — и, значит, будет плакать!

Два тела из единого создав,
Велело Небо быть жене и мужу!

Вдвоем вам суждено и жизнь прожить,
И в общую, в свой час, сойти могилу...

Средь безрассудных распрей и раздоров
Как можете об этом вы забыть?!

Скончался муж — и горестные слезы
Стекают по лицу и по груди.

Кричит младенец — знаю, соль и горечь
Сегодня в материнском молоке!..

Но ты ведь должен вырасти мужчиной —
По-женски не веди себя, малыш!

Твой сын, я слышал, «Сяоцзин» прочел
И кое-что уже, конечно, смыслит;

Мой — послезавтра должен дочитать
В «Сяосюэ» последние разделы.

Как думаешь, дождемся мы с тобой,
Чтоб наши сыновья ума набрались?

Покамест живы мать с отцом твои,
Их почитай, как требует обычай.

Что толку в сожалениях посмертных,
В словах, которых не услышать им!..

Свой долг, что ты родителям не отдал,
Оплакиваньем не оплатишь ты!

Ты приготовил все, чтоб в месяц скорби
Поминки, как положено, свершить?

Ты можешь ли, как требует обычай,
Устроить свадьбу, выдать замуж дочь?

В моем дому — хоть покати шаром,
Но чем-нибудь и я помочь сумею!

Эй, люди деревенские, давайте
Достойно поступать, достойно жить!

Ведь ежели не добрыми делами,
Чем от скота тогда отличны мы?

Тем, что привыкли есть не то, что скот?
А может, тем, что надеваем шляпу?

Когда сопровождаешь старика,
Поддерживай его двумя руками.

Когда на улицу гулять пойдет он,
Ты посох поспеши ему подать.

А после пира не забудь о том,
Что надо проводить его до дома!

Такого друга верного, как этот,
И среди кровных родственников нет!

Лишь он один мне скажет, если я
Вдруг совершу поступок недостойный.

Когда б на свете не было его,
Как смог бы я остаться человеком!

О юноша! Я знаю, ты в тревоге:
Как жить, когда ни рисинки в дому?

А ты, старик! И у тебя забота:
Как без одежды теплой зимовать?

Все о своих печалях расскажите:
Быть может, Чон сумеет вам помочь?

Хотя и нечего тебе надеть,
У ближнего не отнимай одежду!

Хотя и нечего тебе поесть,
Но все же попрошайничать не надо!

Запачкаться — пусть только раз! — легко,
Очиститься потом — совсем не просто!

Я И В И Н О

Я

Когда я собираюсь дело делать,
С тебя, приятель, начинаю я.

Но что-то славных дел, мной совершенных,
Никто не видел — в этом вся беда.

Наверное, пришла пора расстаться —
И нынче выпью я в последний раз!

В и н о

Уж если ты собрался дело делать,
Конечно, надо начинать с меня.

Отведавший меня — мой друг навечно,
И весел только тот, кто верен мне!..

Твердя «вино достойно осуждения»,
Ты все равно не бросишь пить вино!

Я

Послушай, что я думаю об этом:
Жизнь без тебя печальна и скучна!

С тобою забывал я неудачи,
Все горести и беды забывал.

Как потерять приятеля такого?
И все же я ищу других друзей!

*

Пусть я сто лет на свете проживу —
Ведь каждый год так быстро пролетает!

И в нашей жизни, слишком быстрой,
Что я успею? Что свершить смогу?..

Но значит ли все это, что сейчас
Нетронутую я оставлю чашу?

Оставь «саннюк» и не играй в «чанги»!
От них одно лишь разоренье дому.

Брось кляузничать и писать доносы —
От них беда... Беда моей стране!

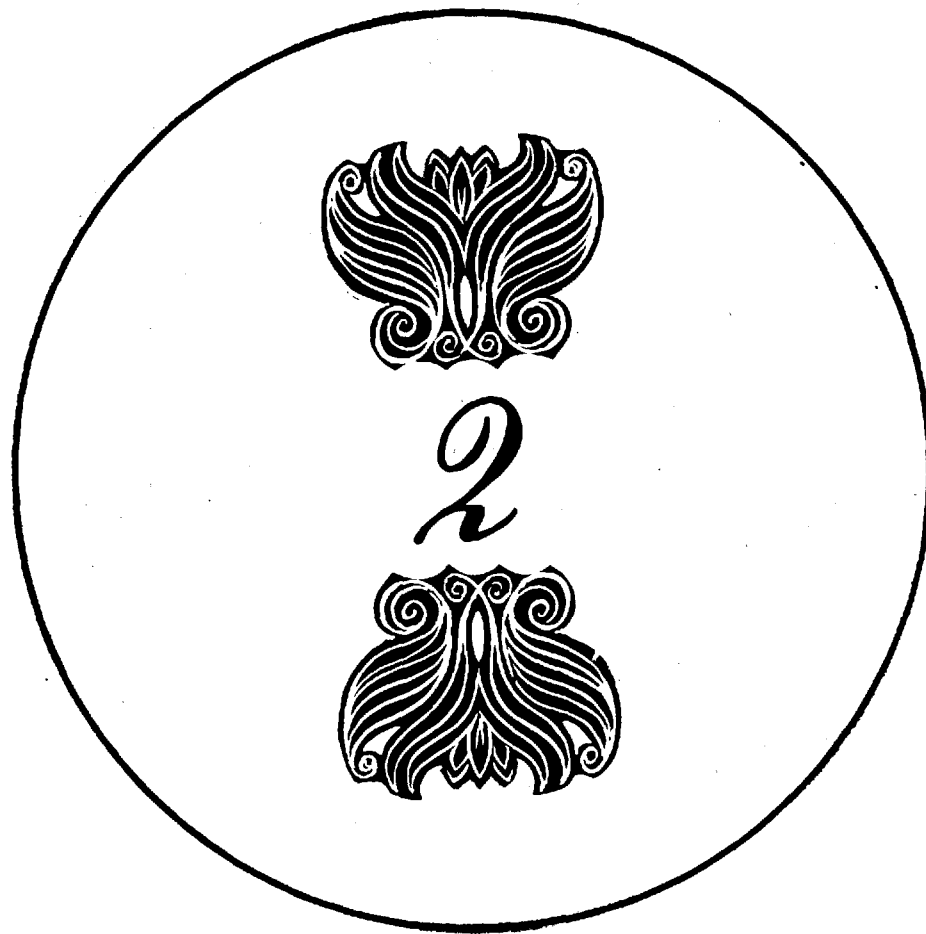
Тебя осудят и закон и люди —
Об этом разве ты не знаешь сам?

Правитель — словно Небо над людьми,
А люди — как Земля под этим Небом.

Но если он проводит дни свои,
Раздумывая о печалях наших,

То почему же горькую похлебку
Из горных трав — мы без него едим?

ТОСКУЮ О МИЛОМ

1

На свет я родилась лишь потому,
Что мне предназначалось быть с тобою.
И разве в небесах о том не знали,
Что путь земной нам проходить вдвоем?
Лишь для тебя была я молодой,
Одну меня любил ты в целом мире.
Такой любви, как эта, не бывало,
И для нее сравненья не найти!
С тобой в покои Лунного дворца
Еще недавно мы входили вместе.
Так почему же старость я встречаю
Совсем одна, от милого вдали?

За что меня услали в мир людей
И всех небесных радостей лишили?

С тех пор уже три года миновало,
Как не причесывала я волос,
Румян не доставала и белил:
К чему мне украшенья и наряды,
Когда, как снежные сугробы в поле,
Лежит в душе глубокая печаль?..
Что бы ни делала — вздыхаю я,
Куда бы ни пошла — роняю слезы
И думаю: предел положен жизни,
А горю моему предела нет!
Минует время, как бежит вода,
И в свой черед приходят зной и стужа,
Зима идет за летом — и окрестность
Свой облик изменяет на глазах.

2

Мне все вокруг о милом говорит,
Все будит отклик и воспоминанья,
Восточный теплый ветерок повеял,
Последние сугробы растопил,
На ранней сливе под моим окном
Покрылись ветви первыми цветами:
Зачем они так свежи и прекрасны?

И для кого благоуханье их?
Когда бы, ветку сливы отломив,
Ее послала я тебе, любимый,
Как прочитал бы ты письмо такое?
Что стал бы думать, на него взглянув?
В вечерних сумерках встает луна,
Ее лучи касаются подушки.
Я плачу и смеюсь: мне показалось,
Что это ты незримо в дом вошел.

3

С деревьев вешний цвет уже опал,
И тень от них на землю опустилась.
За занавеской, на который вышит
Цветущий лотос, я сижу одна.
Откинув занавеску, вновь смотрю
На ширму с нарисованным павлином.
Всегда ли время тянется так долго,
Когда скорбит о прошлом человек?

Отмерив золотою меркой шелк,
Крою его и подбираю нитки:
Хочу, чтоб пара уток-неразлучниц
Украсила твой праздничный халат.

Я в вышивке искусна и в шитье —
И глаз обрадует моя работа!
Кладу халат в ларец из белой
яшмы,

Ларец укладываю на чиге.
Хотела бы послать его тебе —
Через высокие, крутые горы,
Всегда затянутые облаками,
Где нет ни перевалов, ни дорог.
Кто мой подарок сможет отнести?
Кто десять тысяч ли пройти сумеет?
А если бы сама я одолела
Опасный этот путь, ты был бы рад?

4

Осенний иней выпал на поля.
С прощальным криком гуси улетели.
Поднявшись на последний ярус башни,
Через хрустальное окно смотрю.
Над темною горой взошла луна.
Полярная звезда стоит на небе,
Всегда прекрасная, как мой
любимый, —

И слезы набегают на глаза!

Собрав в охапку свет луны и звезд,
К палате Феникса его отправлю.
Пусть яркими лучами воссияет
Над городом, где милый мой живет,
Чтоб все четыре стороны земли
Прозрачным этим светом озарились.
Чтоб на горах и в глубине ущелий,
Как в летний полдень, стало вдруг светло!

5

Зима и на земле и в небесах,
И снег уже окрасил белым цветом
Окрестные холмы, поля и рощи,
И реку Сяосян сковало льдом;
Не слышно голосов людских нигде,
Не видно птиц, летавших здесь недавно.
А если и у нас похолодало,
Как холодно в Нефритовом дворце!
Он мрачен и высок, в нем солнца нет —
Над ним оно, наверно, и не всходит...
К тебе сама широким опахалом
Я погнала бы внешнее тепло!

Малиновую юбку подоткнув
 И засучив до локтя аккуратно
 У голубой рубашки рукава,
 По рощице бамбуковой брожу.
 Понять стараюсь, в чем моя вина?
 День на исходе. Долго ночь продлится.
 В дом воротясь, сижу я неподвижно,
 Рукою подбородок подперев.
 Придвинувшись поближе к фонарю,
 Прикрытому светло-зеленым шелком,
 Беру я в руки арфу, на которой
 Из перламутра выложен узор...
 Ложусь под одеяло, а на нем
 Красуются две уточки, как прежде.
 А ночь все не кончается, все длится.
 И зябко мне, и не приходит сон...

Всего двенадцать месяцев в году,
 Но в каждом тридцать дней таких, как этот,
 Где каждый час и каждое мгновение
 Исполнены печалью о тебе.
 Она таится в сердце у меня,

Подобная неведомой болезни,
 С ней совладать не мог бы и Бянь Цяо,
 И от нее лекарства нет нигде!
 О, если б мне скорее умереть
 И вновь родиться бабочкою пестрой!
 С цветка бы на цветок в траве зеленой
 Порхать я стала солнечной порой,
 И над плащом пурпуровым твоим
 Я вечно крылышками трепетала б,
 Тебя овеивая ароматом...
 А ты бы и не знал, что это я!

РАЗГОВОР ДВУХ ЖЕНЩИН

Первая

Постой, я тебя узнала!..
Поведай мне, что с тобою?
Ты прежде жила в покоях
Нефритового дворца!
В такую позднюю пору,
В час, когда солнце заходит
И тени на землю ложатся,—
Зачем и куда идешь?

Вторая

Послушай, все расскажу я..
Ни обликом, ни обхождением
Милого я не достойна —
И знала об этом всегда!

Но, встретившись с ним однажды,
Я стала его подругой
И с той незабвенной минуты
Верно служила ему.
Думала только о милом,
Во всем ему угождала.
Что же переменился
Любящий взор его?
Лежу ли ночью в постели,
Стою ли днем у калитки —
В памяти перебираю,
В чем согрешила пред ним.
Небо ли так велело?
Люди ли в том виновны?
Наверно, всему начало
В самой природе вещей!

Первая

Тебя я прошу: не надо,
Не надо об этом думать!..
О том, что в сердце таится,
И я рассказать могу.
Я милого тоже любила,
Я знала его тревоги:

Только со мною, бывало,
Вкушал он покой и мир.
Кто же теперь ему служит
Весною сырой и зябкой?
Летом жарким и душным?
Осенью и зимой?
Кто вечером или утром
Еду поднесет к постели?
В долгие-долгие ночи
Как может он спать один?
Как бы хотела знать я,
Что он делает, милый?
Но день уже на исходе —
Кто мне весть принесет?

Темно на душе и мрачно.
Куда же теперь идти мне?
Всхожу по крутому склону
На вершину горы.
То ли туман над нею,
То ли сходятся тучи.
Где здесь пробиться сиянью
Солнца или луны?
Кругом и горы и реки

Мглою густой покрыты.
За тысячи ли отсюда
Что различить я могу?

Иду я на берег речки —
Взглянуть хоть на след от лодки.
Вижу пустую лодку,
А лодочника все нет!
В час, когда солнце заходит,
Там только ветер и волны,
И призрачной кажутся тенью
И милый, и весть о нем.

Возвращаюсь под кровлю
Одинокого дома.
Для кого у окошка
Зеленый фонарь горит?
То лягу, то снова встану,—
Брожу по комнатке тесной,
То в чутком сне забываюсь —
И с милым встречаюсь вновь!
Увы! Я вижу: украло
Беспощадное время
Красоту неземную
Яшмового лица.

Все, что в сердце хранится,
Спешу я сказать — но слезы
Сами собою льются,
И слов не могу найти!
А в это самое время
Петух рассвет возвещает —
И исчезает виденье...
Где ж он, любимый мой?
Я поднимаюсь с постели,
Распахиваю окошко:
Лишь луч луны заходящей
Заглядывает в лицо.

О, если бы умерла я
И стала луною в небе,
Чтоб тихим светом проникнуть
В окна покоев его!

В т о р а я
Лунным светом — не надо!
Пролейся над ним дождем!

ПУТЕШЕСТВИЕ В КВАНДОН

Мучимый тяжким недугом,
Долго я ждал исцеленья,
Жил в бамбуковой роще
Среди рек и озер.
Но государь повелел мне
В Квандон необъятный ехать,
И тотчас за назначеньем
В столицу я поспешил.

О государь, безгранична
Твоя доброта и милость!..
В Воротах Западных спешась,
Я к Башне Торжеств прошел.
Затем, ко двору представясь,
Получил на служенье

Нефритовую дощечку —
Доверья и власти знак.

И вот пустился в дорогу:
Доехал до Пхёнгуёка,
Потом лошадей сменил я
И повернул на Хыксу.
Сомган остался за мною,
Чхиак впереди поднялся.
Куда вы стремглав несетесь,
Воды реки Соянган?

Я стар, одинокий сановник,
Покинувший двор и вана.
Давно уже поселилась
В моих волосах седина.
На дворе постоялом
Ночью глаз не сомкнул я.
Едва рассвело, поднялся
К Башне Полночных Пространств.

Отсюда, казалось, я вижу
Дворец Кунъе знаменитый,
Над которым сегодня
Только сороки кричат.

Им, быть может, известны
Тайны паденья и взлета,
Расцвета и возвышенья
И гибели государств?

О, если бы можно было
Вернуть величье и славу
Добрых времен минувших
Правления Цзи Чжан-жу!
К Кленовым вершинам дорога
Идет по берегу речки.
Оставив поклажу, бреду я
Каменистой тропой.

Здесь, среди Гор Алмазных,
В Манпхоктонской долине
Стою, опершись о посох,—
Любуюсь радугой я;
Цветистей, чем хвост дракона,
Она поднялась над ущельем,
Где гром непрерывно грохочет
И словно бы снег идет.

Над гребнями Гор Алмазных
На самых крутых вершинах

Гнездится журавль священный,
Выводит своих птенцов.
Весенний ветер, играя
На свирели из яшмы,
Баюкает их ночами,
Будит их ото сна.

В своей черно-белой одежде
Парят журавли в поднебесье
Или, резвясь и играя,
Носятся взад-вперед.
И смотрит Линь Бу-отшельник
На полет журавлиный —
И поселяется радость
В старое сердце его.

...Уже далеко остались
Сохянно, Тэхянно — горы,
Схожие с парой курильниц —
Если сверху смотреть.
Поднимаюсь все выше,
Потом сижу, отдыхая,
На площадке Покоя
В обители Чонъянса.

Славлю тебя, создавший
Все, что нас окружает!
Одна за другой вершины
Громоздятся вдали;
Каждая — словно лотос,
И тысячи лотосов ярких
Шелковым поясом белым
Связал владыка в букет.

Гора Мангодэ на востоке
Вздывает голову к небу,
На западе, в отдаленье,
Пик Хельманбон стоит.
О чем бы он мог поведать,
Могучий и одинокий?
Проживший тысячелетья,
Как не согнулся он?..

С террасы Добра я вижу
Город белых утесов —
Там легкой дымкой повиты
Двенадцать тысяч вершин.
Там в чистоте первозданной
Облаков и туманов

Воплощена от века
Душа благородная гор.
О, если бы можно было
Вновь создать человека
Из этой волшебной дымки,
Из красоты неземной!
Он был бы велик, как горы,
Как горы, был бы прекрасен...
Но мир — увь! — пребывает
Таким, каким сотворен!

Кто и когда по кручам
На пик Пиробон поднялся?
Никто... Но люди стремятся
Достичь вершины вершин.
Конфуций с высот Дуншаня
Всю землю увидел — и понял,
Что царство Лу в мирозданье —
Как веревки кусок!

Простор Поднебесной тоже —
Всего лишь лоскут вселенной,
До рубежей которой
Не доходил никто.

Тому ж, кто решил однажды,
Что подниматься не надо,
И не достиг вершины,
Так ли уж страшен спуск?...

По Вонтхонской долине
До Львиной Скалы я добрался.
Здесь из-под серого камня
Течет ручей Хварёндам.
Тысячелетним удавом
Вьется он по ущелью,
К синему морю бежит он,
Спешит он и день и ночь.

Здесь горные склоны и кручи
Иссохшей травой покрыты,
Ждет трава не дождется
Сливового дождя.
Здесь, в монастырском храме,
В Манпхоктонском ущелье
Изображенье Манджушри
Паломник мне показал...

Но — хватит смотреть на горы.
Восточное море близко.

Конь мой тащит повозку
К башне Горная Тень.
Здесь, радуясь нашей встрече,
Птицы щебечут и свищут.
И вот лазоревым флагом
Море взметнулось ввысь!

Как трубы и барабаны,
Волны гремят и грохочут
И разгоняют тучи,
Нависшие над водой.
И очарованный путник
С моря взора не сводит.
А конь по песчаному плесу,
Покачиваясь, идет.

Потом, в стороне оставив
Красоты бурного моря,
Сворачивает дорога
В заросли диких роз.
Белая птица взлетела,
Крыльями затрепетала.
Белая чайка, не бойся —
Я издавна друг тебе!

Окольным путем я добрался
К Кымнангульской пещере.
Здесь от Нефритовой башни
Остались руины одни!
О чем они повествуют,
Белые эти колонны?
Об искусстве Гун Чуя?
О том, кто разрушил их?

Косон позади я оставил
И к Бухте Трех Дней подъехал:
Шесть красных иероглифов
На склоне горы видны.
Где же четыре хварана,
Которые их написали?
Куда они удалились,
Ушли на четвертый день?

К Озеру Развлечений?
Или к Пруду Бессмертных?
Неужто они не присели
В беседке Горный Ручей?
Печально кричит кукушка.
Слива свой цвет роняет.

Мне никто не ответит —
И я продолжаю путь...

Заночевать решил я
На склоне восточном Наксана.
До рассвета поднялся,
Чтобы встретить восход.
Увидел я в это утро,
Как дракон шестиглавый
Грядущим облакам пятицветных
На небо поднимал.

Когда ж запыхавшее солнце
Отделилось от моря,
Замерли в восхищенье
Все десять тысяч царств!
Оно поднялось так быстро
И все вокруг осветило,
И каждая волосинка
Стала тогда видна!

Давно уже нет поэта,
Но он рассказал об этом.
Кто утверждать решится,
Что слов его тоже нет?

Сердце другому сердцу
Раскрывает так много!
И благодаря поэту
Мир открывается нам!

...Вдоль подножья Хёнсана
Тащит мой конь повозку.
В лучах заходящего солнца
Спускаюсь к бухте Кёнпхо.
Здесь, на пологих склонах,
Кусты чхольчук расцветают,
Группами стройные елки
Выбежали на мыс.

Не шелохнется море —
Поверхность его простерлась
Куском серебряной ткани,
Проглаженной утюгом.
Сквозь прозрачную воду
Дно песчаное видно.
Сажусь в одинокую лодку,
Взмахиваю веслом.

В час предвечерний заводь
Спокойна и величава.

Лодка моя проплывает
Под мостом Канмунгё.
Что на свете прекрасней,
Чем эти места у моря,
Где живо воспоминанье
О юной красе Хонджан!

А вот и Каннын обширный,
Где девушкам добронравным
И юношам благородным
Ворота посвящены.
Все вокруг — как когда-то,
В эпоху Яо и Шуня,
Когда благодатью небесной
Был каждый дом осенен!

Где-то предел положен
Скитаниям человека,
Но нет предела надеждам,
Которыми он живет;
Он в высоту стремится,
Чтоб на плоту бессмертных
От северных звезд до южных
По вечному небу плыть.

...Землю от края до края
Пристальным взором окинув,
Стою, по ступенькам поднявшись
К Беседке Над Синей Водой.
Кто бушевать заставляет
Эти громадные волны?
Кто швыряет их в небо
Серебряною горой?

Кто друг на друга несет их?
Кто могучим ударом
На тысячи мелких осколков
Враз разбивает их?
Зачем, кто может ответить,
Над гневно шумящим морем
Разносит ветер весенний
Вишневые лепестки?

...И снова стихает море.
Сумерки наступают.
Скоро из-за Фусана
Взойдет молодая луна.
Жемчужную занавеску
На небе она поднимает,

И ярко блестят на море
Яшмовые островки.

Восходит Звезда Рассвета.
Лотос цветы раскрывает.
И все, что меня окружает,
Подарено Небом мне.
И все, что глаза мои видят
В этом чудесном мире,
Я непременно должен
И другим показать!

И я к луне обращаюсь:
Пусть она мне ответит,
Где те четверо славных?
Куда удалились они?
Где те четыре хварана,
Что путь на восток держали?
Из запредельного края
Кто весточку мне подаст?

Устал я в долгой дороге.
Однажды остановившись,
Прилег под старой сосною
И вскоре крепко уснул.

И мне явился бессмертный,
И в чудном сне я услышал:
«Должно быть, ты провинился
Перед Владыкой Небес?

И грешника он низринул
В человеческий омут...
Но погоди немного,
Вина моего испей!
Неиссякаемой чашей
Будет нам Ковш Небесный.
Синей водой океанов
Мы наполним его.

Раз, и другой, и третий
Пригубим волшебный напиток —
И божественный ветер
На крыльях поднимет нас.
Край запредельный снова
Откроется перед глазами...
Выпьем волшебный напиток,
Всех людей напоим!»

Так сказал небожитель
И на журавле вознесся

К горе Сосок, что служит им жилищем.
То собирались у нее на склонах,
То снова уходили от нее.
Внизу сверкала горная река:
Небесная Ткачиха с громким шумом
По солнечной долине расстилала
Свой шелка, чтоб выкроить из них
Невиданные на земле одежды.

И вот что страннику сказал хозяин:
«Здесь я не помню о календаре,
Здесь время года узнают по краскам
Холмов окрестных и листвы деревьев.
И все, что видишь ты перед собою,
Есть мир отрекшихся от суеты!

*

Весна ко мне приходит тенью сливы,
Что расцветает под моим окном:
Меня ее благоуханье будит;
И с первыми лучами встав от сна,
Я выхожу на солнечный участок,
Где высадил рассаду огурцов.
Здесь дел немало у меня всегда:

Окучиваю, подправляю грядки
Или выкапываю сорняки,
Как тот старик, что у Ворот Зеленых
Нашел себе занятие по душе.

Обув соломенные башмаки
И прихватив бамбуковую палку,
Иду я мимо персиков в цвету,
Потом вдоль луга по тропинке узкой.
А каменные ширмы скал прибрежных
В зеркальной отражаются воде,
И тень от них меня сопровождает,
Как верный друг, до Западной реки...
Не здесь ли дивные сады Улина?
Не здесь ли Персиковый Ключ течет?

*

Внезапно налетевший ветер с юга
Ветвей густую сень пошевелил.
Трель несравненная слышна из рощи —
Откуда прилетел ты, соловей?..
В беседке над узорчатой водой
Дремлю я на подушке Си-хуана,
Забывши обо всех делах мирских;

Халат из мешковины подобрал
И шляпу из дерюжки нахлобучив,
Любуюсь долго стайками рыбешек,
Резвящимися на песчаном дне.

В долине ночью дождик прошумел,
И лотос розовый, и белый лотос,
Испивши влаги свежей, расцвели.
Затишье. Все вокруг благоухает.
Как будто встретил я сейчас Лянь-си,
И тайну бытия он мне поведал:
Или даос, постигший мудрость мира,
Открыл мне книгу Яшмовых писем.

Скалу Бакланов обойдя, стою
У отмели, на тропке каменистой.
Укрывшись от полуденного солнца,
Сижу я под сосной на берегу.
Из синей речки выйдя на песок,
Со мною рядом мирно утка дремлет
Или, внезапно отряхнувши сон,
Заводит дружбу с хлопотливой чайкой.
На целом свете нет существ свободней,
Чем утка, чайка белая и я!

*

Сквозь сень одона лунный свет скользнул.
Уже четвертую пробили стражу,
А тысячи ущелий и оврагов,
Равнин и гор освещены, как днем.
Не во дворце ли я сейчас Хрустальном,
Воздвигнутом на озере Сиху?
Или через Серебряную Реку
Перемахнул и на луне стою?..

Двояшки-сосны над рекой склонились.
Пониже рыболовные мостки.
Челнок отвязываю. Среди ряски
И зарослей ореха водяного
Плыву один — неведомо куда.
А на зеленом берегу реки
Пасут коров крестьянские мальчишки.
Я слышу в предвечерней тишине
Далекий звук пастушеской свирели.
И чудится, что от него проснется
Дракон, живущий в омуте речном,
И журавли, свои покинув гнезда,
К заре закатной взмоют в высоту.

Су Ши в поэме «Красная скала»
Воспел Седьмого месяца красоты.
Но разве кто доказывать решится,
Что середина месяца Восьмого
Не так же хороша, когда в ночи
Прозрачна даль и плещется порою
Волна у берега? Луна взошла
И посреди реки на якорь стала...
Вот так Ли Бо заворочен был сказкой
И утонул, когда ловил луну!

*

В горах сметает ветер нелюдимый
Опавшую, поблекшую листву.
Он стаи туч перед собою гонит,
Поля пустые инеем покрыл.
Владыка Неба вырезал искусно
Из яшмы белоснежные цветы
И разукрасил ими десять тысяч
Безлистных рощ и тысячи садов.

У переправы лед сковал реку.
И мостик обветшал и покосился.
Бредет через него старик монах,

Стуча корявой палкой по настилу.
В какой обители покой найдет он?
Я знаю, что безмерно он богат,
Но тайн обогащенья не откроет:
Пусть сам отыщет человек дорогу
В тот храм, что убран серебром зимы!

Нет собеседника в горах пустынных.
Здесь, летописи ханьские читая,
Воображением я постигаю
Деяния глубокой старины.
О, сколько воинов и мудрецов
Стремились к истине и совершенству!
Но с той поры, как твердью мир накрыт,
Он неустойчивостью отличался.

Непостижимы судьбы царств земных,
Эпохи процветанья и паденья!
Немыслимо печален путь, которым
Мятущийся проходит человек!
Прав был Сюй Ю, когда в горах Цзишань
Водой источника промыл он уши.
Звук черпака, звеневшего под ветром,
Напоминал ему об искушенье

И укреплял решимость. Он остался
Душою чистым, совестью прямым.
Подобно туче, приносящей бурю,
Мирская суета несет беду...
Вино есть молодое у меня,
И я к нему недавно пристрастился.
Беру я чашу и, кувшин придвинув,
Пью, чтобы позабыть о всех печалях.
Перебирая струны комунго,
Я начинаю петь про «Ветер в соснах»...

Ты знаешь, я уже почти забыл,
Кто гость сегодня здесь, а кто — хозяин,
Должно быть, господин долины этой,
И гор зеленых, и прозрачных рек —
Журавль, тот, что парит сейчас над нами,
Тот, кто нас ждет в Нефритовом дворце!»

И так хозяину промолвил странник:
«А разве ты не из бессмертных сам?»

ВРЕМЯ ПИТЬ ВИНО

Выпьем, друг, и вновь наполним чашу,
И другую, и за нею третью,
Каждую из них цветком отметим,
Время пить еще не миновало!..
Ведь, когда уснешь ты вечным сном,
 завернут тебя в кусок дерюги,
На посылки взвалят, и прикрутят,
 и куда положено потащат;
Правда, может быть и по-иному:
 в паланкин, украшенный шелками,
Тело бездыханное уложат
 и свезут на кладбище друзья!
Будешь ты лежать среди бурьяна,
 среди хвощей или глухой крапивы,

Или под высокою осиною,
или под широкими дубами.
Солнце желтое на небо выйдет,
белая луна на страже станет,
Будет дождь идти осенний, частый,
будет падать снег густой и мокрый,
И холодный ветер будет дуть...
Кто же, кто тогда тебе предложит
Эту чашу, полную вина?!
Только обезьяны крик тоскливый
Над забытой прозвучит могилой...
И что толку будет в сожаленьях
Обо всем, что ты покинул здесь!

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Сборник «Одинокий журавль» воспроизводит в общих чертах структуру старопечатного ксилографического издания произведений Чон Чхоль на корейском языке — «Сонган каса» (Пхеньян, 1768; современное переиздание — 1956), с которого и выполнен перевод на русский язык. В первой части сборника помещены все короткие стихотворения поэта в жанре сиджо, отдельные миниатюры, отточенные по форме и, как правило, весьма емкие по содержанию.

Стр. 31. *Наряд придворный навсегда я сбросил...* — Осенью 1585 г. Чон Чхоль снял шелковый наряд, то есть подал в отставку и уехал в Чханпхён.

Стр. 32. *Комунго* — корейский шестиструнный щипковый инструмент, «король ста музыкальных инструментов». Легенда приписывает его изобретение музыканту Ван Санаку, жившему в V в. в государстве Когурё. Когда Ван Санак начал играть на комунго, с неба будто бы спустился черный журавль и стал танцевать. Так возникло другое название этого инструмента — хёнгим — «лютня черного журавля».

Стр. 33. *...И молча мне на небо указал.*— Речь идет о даосском отшельнике, цель жизни которого — достигнуть на земле бессмертия, а затем вознестись на небо.

Стр. 34. *Лю Лин* — китайский ученый и поэт, живший в самом начале правления династии Цзинь (265—420); входил в группу поэтов-философов «Семь мудрецов из Бамбуковой рощи» и прославился как поэт вина.

Стр. 35. *Одинокiй журавль (I, II).*— В этих двух стихотворениях, как полагают некоторые корейские комментаторы, в образе одинокого журавля, не стаящегося с другими птицами, автор изображает самого себя, а под земным миром подразумевает мир, из которого

он изгнан, то есть жизнь корейского двора, раздираемого междоусобной борьбой феодальных группировок. Журавль — священная птица, на которой возносятся на небо бессмертные; символ уединения и постоянства.

Стр. 37. *Канвондо* — провинция на восточном побережье Корейского полуострова, куда был назначен губернатором Чон Чхоль в 1580 г. Жители этой самой обширной провинции славилась бунтарскими настроениями. Автор наставляет их, исходя из основных устоев конфуцианского учения.

Стр. 38. «О, как безжалостно в густом лесу...» — Поэт иносказательно говорит о способных чиновниках (высокие деревья) как об опоре государства (большого королевского дворца), имея в виду гонения на них в 1545 г.

Стр. 42. *Сон Хон* (1535—1598) — ученый и государственный деятель, подвергшийся, как и Чон Чхоль, опале. Находясь в ссылке, он занимал должность «попечителя земледелия» в том же селении, где Чон Чхоль был старостой.

Стр. 43. *Сэвон* — просторечное название

местечка Синвон в уезде Коян провинции Кён-гидо. Здесь не раз останавливался Чон Чхоль.

Стр. 45. *Пёкче* — селение и почтовая станция, где делали обязательную остановку корейские королевские гонцы из Китая перед тем, как прибыть в столицу.

Стр. 46. *Любимый далеко — и он тоскует!* — Здесь, как и в некоторых других стихотворениях, в корейском тексте употребляется слово «ним», имеющее значения «король» (с которым разлучен опальный поэт) и «любимый», «милый». Художественный перевод в этих случаях подчеркивает обращение к милому от имени женщины.

Стр. 49. *Бурьян на стенах крепости Тэбан.* — Автор употребляет здесь старинное название города Намвона в провинции Южная Чолладо. На ее территории в начале IV в. находился ханьский административный округ Дайфан, который должен был подчинять китайскому контролю южные земли древнекорейских племен. Чон Чхоль посетил этот город в 1591 г., следуя к месту своей последней ссылки — Чинджу.

Стр. 50. Когда тебя хотят уверить в том... — Корейские комментаторы видят порой в этом стихотворении обращение Чон Чхоля к королю, перед которым поэт оклеветали сторонники оппозиционной «восточной» партии.

...вертятся колеса вокруг горы священной — Симисан... — Согласно буддийской мифологии, центр или «ось» каждого из бесчисленных миров Будды образует высочайшая вершина Симисан (санскритское Сумеру). Вокруг нее находятся семь меньших гор и семь морей, называемых «колесами». Благодаря вращению этих «колес» происходят бесконечные изменения в природе и в жизни людей, а также совершается отсчет времени. Ночь наступает, когда за горой Сумеру скрывается солнце; за нею же прячется луна.

Стр. 51. *Пятая стража* — предутреннее время от трех часов ночи до пяти часов утра. В старину в странах Дальнего Востока ночное время от семи часов вечера до пяти часов утра делилось на пять страж по два часа каждая. Наступление новой стражи возвещалось ударом

в колокол, гонг или барабан. *Каннам*— дословно «Земли, лежащие к югу от реки (Ханган)», старое название провинции Чолладо, куда в 1585 г. поэт отправился в ссылку через Сэвон.

Стр. 53. *Праздник Мотыги*— праздник в Корее по случаю окончания работ на полях в начале седьмой луны по лунному календарю

Стр. 54. *На девяносто тысяч долгих ли...*— По представлениям народов Дальнего Востока, таковы ширина и высота небесного свода; ли — мера длины, равная в Корее 0,393 км.

Стр. 59. «Мой добрый конь с обвислыми ушами...»— Образ выбивающегося из сил коня поэт создает с помощью намека на эпизод из китайского исторического сочинения Лю Сяна «Планы воюющих царств» («Чжаньго цэ», I в. до н. э.): «Одряхлевшему скакуну пришлось везти однажды в гору повозку с солью. Он выбился почти из сил, а на него взирал печально Бо-яо, знаменитый знаток лошадей. Конь от ярости заржал, да так, что на небесах все всполошились». *Чхоллима*— мифический конь, пробегающий за день тысячу ли.

Стр. 60. *...Над сказочной долиною Улина.*—

Упоминанием об утопической стране счастья близ Улина (в китайской провинции Хунань), воспетой великим китайским поэтом Тао Юань-мином (365—427) в произведении «Персиковый источник», Чон Чхоль намекает на королевский дворец в столице. *...Два феникса сошлись в жестокой схватке.*— Имеются в виду непримиримые «восточная» и «западная» группировки при дворе, сторонники которых, наперебой раточая лести перед королем, вели ожесточенную борьбу за власть и не задумывались над тем, к каким результатам приведет их схватка.

Стр. 61. *Пэнлай*— священная гора-остров в Восточном море, где обитали небожители; здесь — королевский дворец, куда мечтает вернуться томящийся в ссылке поэт.

Стр. 62. «Неужто лес, пригодный на строила...»— Этим и следующим (стр. 63) стихотворением поэт говорит о гибельности для пришедшей в упадок страны постоянных распрей между двумя враждующими придворными группировками.

Стр. 64. «Мне ли завидовать чужому смеху...»— Поэт, отлученный от двора,

смеется над пирровой победой «восточной» группировки и верит, что король одумается, вспомнит о своих верных помощниках.

Стр. 69. «Журавль уже куда-то улетел...» — Эта строка навеяна стихотворением великого китайского поэта Ли Бо (701—762) «Поднимаюсь на Террасу фениксов в Цзиньлине». Чон Чхоль создал свое стихотворение, по-видимому, в то время, когда, вновь призванный ко двору, с грустью вынужден был покинуть место изгнания — Чханпхён.

Стр. 70. «Взгляни-ка: жемчуга столько мер...» — Из ссылки Чон Чхоль обращался к королю с пожеланием привлекать способных людей («жемчужины») к управлению страной.

Стр. 72. ...звезда Ноин встает на небе... — В древней китайской и корейской космогонии звезда долголетия, от которой будто бы зависела судьба человека; тому, кто видел ее, она приносила мир и спокойствие. *Павильон Отдыха в Тени* (Сигёнджон) — находился в Сонсане (см. примеч. к стр. 139), где поэт жил в опале.

Стр. 75. *Ворота Кванхвамун* — третьи центральные ворота во дворце, ведущие в королевские покои.

Стр. 76. *Сучхан* — один из чинов в Хонмунгване (ведомстве по изучению и изданию конфуцианской классики), который был своего рода придворной академией и назывался также Яшмовым залом (Октан). *Син Гунман* (настоящее имя Син Ынси, 1532—1585) — корейский сановник, служивший с Чон Чхолем в одном ведомстве; им вместе не раз приходилось нести охрану королевского дворца. *Государевы ворота* (Кынджонмун) — южные центральные ворота в королевском дворце. ...образ государя — то есть короля Сонджо, правившего с 1568 по 1608 г.

Стр. 82. *Приятель Ко*. — Имеется в виду Ко Гёнмён (литературное имя — Чебон, 1533—1592), корейский ученый и поэт, друживший с Чон Чхолем. *Южный холм* (Намсан) — название горы в черте Сеула, на берегу Хангана.

Стр. 85. «Любуюсь яшмовым старинным кубком...» — Рассказывая о своем возвращении к службе в момент обострения

разногласий между придворными группировками, поэт припоминает, что 10 лет прошло с тех пор, как в 1567 г. он получил должность в Хонмунгване (см. прим. к стр. 76).

Стр. 88. *Два будды каменных...*— В период господства буддизма в Корее (VI—XIV вв.) во многих местах были поставлены каменные изображения Будды и последователей его учения.

Стр. 89. *Цзя И* (201—169 гг. до н. э.)— китайский ученый, поэт, государственный деятель, сосланный по навету в Чанша. В изгнание написал «Плач о Цюй Юане», «Оду о зловещей птице»; в последней он призывал к тому, чтобы спокойно принимать и благоволение и изгнание... И в этом была его ошибка, как пишет историограф; император позднее пожаловал Цзя И должность «великого наставника» при своем младшем сыне Хуай-ване, который разбился насмерть, упав с коня. Цзя И очень сокрушался: более года он проливал горькие слезы и вскоре тоже скончался. Чон Чхоль, также познавший горечь опалы, сравнивает в этом стихотворении свое душевное состояние с тем, которое было у Цзя И.

Стр. 90. *С высокой башни, что парит доныне // Над громкой славою восьми веков...*— Автор имеет в виду эпоху возвышения и расцвета могущественного корейского государства Силла с 57 г. до н. э. до конца правления короля Хегон-вана (765—779 гг. н. э.), при котором был отлит из меди упоминающийся в этом стихотворении огромный колокол для монастыря Пондокса. Звон от колокола, как свидетельствуют источники, был слышен за сотню ли.

Стр. 91. *Наставления, размышления, сомнения.*— В этот раздел включены почти все стихотворения из цикла «Песен о наставлении народу». Сюда же вошло несколько сиджо, в том числе «Я и вино», в которых поэт предается раздумьям о сущности бытия.

Стр. 97. *«Сяоцзин»* («Книга о сыновней почтительности») — конфуцианское каноническое сочинение правоучительного характера, приписываемое ученику Конфуция Чжэн-цзы. *«Сяосюэ»* («Сяосюэ цзичжу», «Малое учение, с комментариями») — конфуцианский учебник для детей, составление которого приписывают крупнейшему китайскому мыслителю XII в. Чжу Си.

Стр. 100. ...*надеваем шляпу*.— Ношение головного убора в средневековой Корее регламентировалось установленными правилами; существовал даже обряд надевания в первый раз шапки, совершаемый над молодыми людьми в возрасте от пятнадцати до двадцати лет.

Стр. 107. *Оставь «саннюк» и не играй в «чанги»!*— «Саннюк» — название игры в кости, «чанги» — корейские шахматы; эти азартные игры, а также клеветы и доносы, о которых говорится далее в стихотворении, были весьма распространены среди низших чиновников во времена Чон Чхоля.

2

Во вторую часть сборника вошли стихотворные произведения крупной формы — поэмы в жанре *каса*. По традиции эту часть завершает стихотворение «Время пить вино», представляющее собой, строго говоря, не *каса*, а удлиненное *сиджо*.

Тоскую о милом

Стр. 111. *На свет я родилась лишь потому, //
Что мне предназначалось быть с тобою.*— По

конфуцианскому учению, выбор супругов предопределен волей Неба с момента их рождения. (По мнению некоторых комментаторов, истинный смысл этих строк — вера поэта в свое высокое призвание быть рядом с государем, и теперешняя разлука — лишь временное явление.)

Лунный дворец — в китайской мифологии Просторный студеный дворец на луне, обитель феи Чан-э; здесь — мир грез.

Стр. 112. ...*три года миновало*.— В старой Корее траур по родителям соблюдался в течение трех лет. С ним Чон Чхоль сравнивает свою тоску в разлуке с сюзереном во время ссылки в Чханпхёне, начавшейся в 1585 г. Поэма, по-видимому, написана в 1588 г.

И в свой черед приходят зной и стужа...— Здесь и далее поэт использует традиционные для древнего и средневекового дальневосточного мира приемы измерения времени — времени неопределенного и нескончаемого.

На ранней сливе... — то есть на зимней сливе «мэйхуа», цветущей в первом месяце лунного календаря, когда земля еще покрыта снегом. Зимняя слива — символ стойкости и чистоты.

Стр. 113. *И для кого благоуханье их?*—
Строки навеяны стихотворением китайского
поэта-анакорета XI в. Линь Бу «Зимняя слива
в саду в горах» (см. прим. к стр. 126).

...пара уток-неразлучниц.— Речь идет об
утках-мандаринках — традиционном в Китае и
Корее образе супружеской верности.

Стр. 114. *Чиге* — приспособление в виде ро-
гульки для переноски груза на спине.

Полярная звезда стоит на небе...— Посто-
янное положение этой звезды на небосводе соз-
дало традицию обозначать ею королевский трон.

Стр. 115. *Палата Феникса* — дворец, постро-
енный в китайском столичном городе Лояне
при династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.);
свое название получил от установленного на
его крыше резного изображения феникса, здесь
упоминается как дворец короля, местопребы-
вание любимого. Палата Феникса, воспетая в
стихах Ли Бо и других китайских, а также ко-
рейских поэтов, стала олицетворением тоски в
разлуке.

Река Сяосян — то есть река Сян и ее
приток Сяо, сливающиеся в провинции Ху-

нань (Китай) и через озеро Дунтинху впадаю-
щие в реку Янцзыцзян. Традиционный символ
разлуки влюбленных. С красотой этой местно-
сти поэт сравнивает Чханпхён, где жил в опале.

Нефритовый дворец — в китайской и корей-
ской мифологии небесные чертоги Верховного
владыки с двенадцатью башнями и пятью
оградами; здесь — королевские покои.

Стр. 117. *Бянь Цяо* (V в. до н. э.) — знаме-
нитый китайский лекарь из царства Юэ, про-
славившийся умением определять болезни.

*...умереть // И вновь родиться бабочкою
пестрой!*— По буддийским понятиям, все живые
существа подвергаются перерождениям. Поэт
желает претворить свою мечту хотя бы в одном
из предстоящих перерождений.

Разговор двух женщин
(«Продолжаю тосковать о милом»)

Стр. 121. *Красоту неземную // Яшмового
лица.*— Эпитет «яшмовый», то есть красивый,
изысканный, нежный, обычно употреблялся при
описаниях внешности государя или небожителя.

Стр. 122. *Пролейся над ним дождем!*— Ме-
тафора заимствована Чон Чхолом из китайской

легенды об ушаньской фее. Хуай-вану (328—299 гг. до н. э.), правителю царства Чу, однажды явилась во сне фея гор Ушань и поделила с ним ложе. При расставании она обещала, что по утрам будет для него превращаться в облако, а вечером — в капли дождя.

Путешествие в Квандон
(«Квандонские напевы»)

Стр. 123. *Квандон* — дословно: «К востоку от заставы», старое название корейской провинции Канвондо (см. прим. к стр. 37), которая раскинулась с севера на юг на восемьсот ли.

Долго я ждал исцеления, жил... среди рек и озер.—В конце 1578 г., когда начались гонения на сторонников «западной» группировки, к которой принадлежал Чон Чхоль, он занимал ряд сравнительно высоких постов в государственном аппарате. Чон Чхоль тут же под предлогом болезни подал в отставку и уехал в Чханпхён, где у одного из родственников жены — Ким Сонвона (см. прим. к стр. 139) вел «среди рек и озер» образ жизни человека, отрешившегося от мирских сует, как китайские поэты-анакореты группы «Семи мудрецов из

Бамбуковой рощи» (III в.). Лишь спустя два года Чон Чхоль призвали ко двору и назначили губернатором в Квандон.

Западные Ворота — ворота Ёнчхумун в королевском дворце Кёнбоккун.

Башня Торжеств — башня Кёнхверу, где король жаловал награды чиновникам.

Стр. 124. *Нефритовая дощечка* — так назывались жалуемые королем «властные дщицы», представлявшие собой две половины бирки из бамбука или нефрита, из которых одна хранилась во дворце, а другая вручалась чиновнику, являясь своеобразным удостоверением его полномочий.

Пхёнгуёк — почтовая станция в провинции Кёнгидо.

Хыксу («Черная река») — старое название реки Ёган, притока реки Ханган.

Сомган («Жабья река») — правый приток реки Ханган.

Чхиак («Фазанья гора») — высокая гора недалеко от Вонджу, где находилась резиденция губернатора провинции Квандон.

Соянган («Светлая река») — левый приток

реки Пукханган, впадающей в Ханган в центральной Корее.

...одиноким сановником, покинувшим двор и вана.— Так говорили о себе подданные вана (короля), отправлявшиеся служить в провинцию.

Башня Полночных Пространств — название павильона Пуккванджон на северной окраине Чхорвона (в провинции Канвондо).

Дворец Кунъе.— Отпрыск царской семьи из государства Силла по имени Кунъе в 901 г. основал в центре Корейского полуострова удельное княжество Позднее Когурё, стремясь возродить былое величие Когурё, одного из трех древнекорейских государств в первые века нашей эры. Впоследствии это княжество было переименовано в Тхэбон, и его столицей стал Чхорвон, где находился дворец Кунъе, развалины которого посетил Чон Чхоль. В 918 г. могущественный феодал Ван Гон сверг с престола Кунъе и установил династию Корё, правившую страной до 1392 г.

Стр. 125. *Цзи Чжан-жу* (настоящее имя — Цзи Ань, II в. до н. э.) — китайский министр

при ханьском императоре У-ди (140—86 гг. до н. э.). Чон Чхоль вспоминает его славное имя во время остановки в уездном городе Хвеяне (в провинции Канвондо), возникшем в начале XIV в. Название города созвучно с китайским городом Хуайяном, где когда-то идеально правил Цзи Чжан-жу.

Кленовые вершины (Пхунак) — образное название гор Кымгансан (Алмазных гор), контуры и цвет которых напоминали древним корейцам листья клена осенью.

Манпхотонская долина («Ущелье тысяч водопадов») — изумительное по красоте ущелье во Внутреннем Кымгансане.

Стр. 126. *Линь Бу* — китайский поэт-анакрет XI в., с которым сравнивает себя Чон Чхоль: жил отшельником возле Западного озера (Сиху, в провинции Чжэцзян), занимаясь поэзией и каллиграфией, наслаждаясь цветами зимней сливы «мэйхуа» и полетом журавлей; прозван также «Хозяином Западного озера».

...площадка Покоя // В обители Чонъянса.— С этой площадки у старинного монастыря Полуденного солнца открывалась величественная

панорама двенадцати тысяч вершин (образное название Кымгансана).

Стр. 127. *Гора Мангодэ* — восточная вершина Кымгансана, название которой можно перевести как «Смотрящая ввысь». Легенда утверждает: стоит человеку добраться до нее и громко крикнуть, как тут же с ясного неба польется дождь.

Пик Хельманбон — западная вершина Кымгансана, не однажды воспетая в стихах Чов Чхоля.

Терраса Добра — располагалась чуть выше обители Чонъянса.

Стр. 128. *Пик Пиробон* — один из трех главных пиков Кымгансана.

Конфуций с высот Дуншаня... — Опоэтизированная цитата из седьмой главы конфуцианского канонического сочинения «Мэн-цзы», где говорится, что Конфуцию, взошедшему на гору Дуншань (в провинции Шаньдун), его родное царство Лу показалось величиной с кусок веревки, а с вершины Тайшань (гора в той же провинции) вся Поднебесная (то есть Китай) выглядела лишь небольшим лоскутком.

Стр. 129. *Вонгхонская долина, Львиная скала* — живописные места в горах Кымгансан. *Ручей Хварёндам* — дословно «Источник огненного дракона».

Сливовый дождь — благодатный трехдневный дождь в засушливую пору, совпадающую с цветением сливы.

Манджуши — популярный бодисатва (святой) из окружения Будды; его имя означает: «Чудесное знамение блага».

Восточное море — то есть Японское море.

Стр. 130. *Горная Тень* — название башни в монастыре Юджомса (уезд Косон в провинции Канвондо).

Стр. 131. *Кымгангульская пещера* — грот «Золотой халат» в уезде Косон; желтые камни внутри грота образовали причудливые узоры.

...от Нефритовой башни // Остались руины одни! — Имеются в виду каменные шестигранные колонны («Каменные столбы») в уезде Тхончхон — одна из восьми достопримечательностей Квандона. По преданию, здесь проводили время четыре бессмертных хварана (см. ниже).

Гун Чуй — искусный мастер, покровитель плотников, живший при легендарном правителе Китая Шуне (XXIV—XXIII вв. до н. э.).

И к Бухте Трех Дней подъехал... — Бухта Трех Дней (Самильпхо) — одна из восьми достопримечательностей Квандона. Легенда гласит: еще в эпоху Силла (VII—X вв.) четыре хварана (так называемые «цветочные» юноши из аристократических семей) пришли к бухте, чтобы полюбоваться видами Кымгансана. Три дня они там веселились, затем исчезли, оставив на скале надпись из шести иероглифов красного цвета. Одно из толкований надписи: «Ён-нан и Нам-сокхэн (имена юношей) ушли пешком». Позднее все четверо были причислены к сонму бессмертных.

Озеро Развлечений, Пруд Бессмертных, беседка Горный Ручей, гора Наксан — примечательные места в Квандоне.

Стр. 132. *...дракон шестиглавый // Грядут облаков пятицветных // На небо поднимал.* — В древнекитайском сочинении «Чжоу И» («Книга перемен» в чжоуской редакции) сохранилась запись о шестиглавом драконе, вознице солн-

ца. На пятицветных облаках, по преданию, передвигались даосские бессмертные.

Давно уже нет поэта, // Но он рассказал об этом. — Чон Чхоль имеет в виду стихотворение Ли Бо «Поднимаюсь на Террасу фениксов в Цзиньлине».

Стр. 133. *Хёнсан* — «Гора-стол» в уезде Янтъян.

Бухта Кёнпхо — славилась чистотой вод и звалась «Зеркальной».

Чхольчук — корейское название рододендрона.

Стр. 134. *Мост Канмунгё* — деревянный мост «Речные ворота» в восточной части бухты Кёнпхо.

Хонджан — имя известной красавицы XIV в., кисэн (певицы) из Каннына, о которой сложены поэтичные легенды.

...девушкам добронравным // И юношам благородным // Ворота посвящены. — В поощрение конфуцианских добродетелей (сыновней почтительности, женского целомудрия и проч.) перед домами особенно ревностных хранителей моральных устоев ставились красные арки.

Эпоха Яо и Шуня — царствование в Китае легендарных правителей (XXIV—XXIII вв. до н. э.), считающееся по конфуцианской традиции временем всеобщего благоденствия.

Стр. 135. *Беседка Над Синей Водой* — восьмиколонная ротонда Манъянджон у моря в Пхёнхэри, одна из восьми достопримечательностей Квандона, не раз воспетая в стихах Чон Чхоля.

Скоро из-за Фусана // Взойдет молодая луна. — Согласно буддийской мифологии, в далеком Восточном море растет диковинное дерево Фусан (индийск. Гандарва) высотой в тысячу саженей, с двумя стволами, и за ним будто бы прячутся солнце и луна.

Стр. 136. *Восходит Звезда Рассвета. // Лотос цветы раскрывает.* — Под звездой рассвета разумеется Венера, которую в Корею называют Утренней, когда она восходит на востоке, и Вечерней, когда она заходит на западе. Цветком лотоса именуется в корейской поэзии луна. Существует также версия о том, что под этим названием скрывается имя кисэн, с которой познакомился юный Чон Чхоль в период учебы

в монастыре Наксанса в Янъяне, а позже не раз встречался, уже будучи губернатором провинции Канвондо.

Стр. 137. *«Должно быть, ты провинился // Перед Владыкой Небес?»* — Здесь содержится намек на легенду о том, как некий бессмертный ошибочно прочел один иероглиф из даосского канона «Хуандинцзин» перед Верховным Нефритовым владыкою, и тот низверг его из мира небожителей в мир людей. Под бессмертным, явившимся Чон Чхолью во сне, разумеется Ли Бо, которого современники величали «бессмертным небожителем в изгнании».

Стр. 138. *Девятое Небо* — в даосском учении одно из девяти подразделений небесного рая, где находилась обитель бессмертных.

...Землю, и воды, и твердь... — В одном старинном издании на корейском языке и в переводе этой поэмы на ханмун здесь следуют еще несколько строк:

«Продолжу свой рассказ: // Слуга-подросток вымыл чарку; // А мне еще одну бы выпить! // Вернуться б во дворец тотчас // Да напоить всех допьяна!»

Сонсанские напевы

Стр. 139. *Сонсан* («Звездная гора») — местечко близ Чханпхёна, где не раз бывал во время ссылки в 1585—1588 гг. поэт, который выступает здесь от имени странника.

Ким Сонвон (1525—1598) — родственник жены Чон Чхоля, живший в уединении; погиб в конце Имджинской войны, спасая мать и жену на горе за селением Тонбок. Жители этого селения дали горе название «Защита матери».

Беседки Сигёнджон и *Сохадан* — дословно «Павильон отдыха в тени» и «Зал приюта на закате солнца» — так назывались строения в Сонсане, принадлежавшие Ким Сонвону. Здесь, по-видимому, и написал Чон Чхоль «Сонсанские напевы».

Стр. 140. *Гора Сосок* («Благовещие скалы») — старое название горы Мудысан в провинции Южная Чолладо. К западу от нее высятся причудливые скалы, похожие на окаменевшие ветви.

Небесная Ткачиха — название звезды и персонаж популярной на Дальнем Востоке легенды о Небесной деве, которая ткёт для неба одеяния из облаков.

Стр. 141. ...*Как тот старик, что у Ворот Зеленых...* — Поэт имеет в виду Шао Пина, правителя Дунлина (Китай), который, после падения династии Цинь в 208 г. до н. э., бросил службу и стал вести отшельнический образ жизни, занявшись разведением огурцов за юго-восточными крепостными воротами Чанъани, называемыми в те времена «Зелеными».

Западная река (Соха) — речка, протекающая к юго-западу от Чханпхёна.

Дивные сады Улина, Персиковый ключ. — Автор имеет в виду фантастическую страну счастья, о которой рассказывается в произведении Тао Юань-мина «Персиковый источник».

Си-хуан — в китайских мифах человек, живший в седую старину, еще до правления легендарного правителя Фу-си (XXIX—XXVIII вв. до н. э.); нарицательное имя для людей, удалившихся от мирской суеты и проводивших время в полном благоденствии. Так называл себя, например, поэт Тао Юань-мин.

Стр. 142. *Халат из мешковины подобрал // И шляпу из дерюжки нахлобучив...* — Одежда, характерная для даоса-отшельника.

Лянь-си — прозвание (по месту происхождения рода) Чжоу Дунь-и (1017—1073), одного из основоположников сунской философской школы конфуцианства, автора трактата «План Великого Предела», в котором приведена космогоническая схема происхождения мира из Великого Изначального.

Книга Яшмовых писем — даосское каноническое сочинение, будто бы написанное Желтым владыкой (Хуан-ди) и обнаруженное китайским легендарным правителем Юем (XXI в до н. э.) на алтаре духа Хуан-ди при совершении обряда жертвоприношения.

Скала Бакланов — скала Ноджаам в Совсане.

Стр. 143. *Одон* (китайское утун) — масляное дерево.

Не во дворце ли я сейчас Хрустальном. — Поэт имеет в виду предание о Хрустальном дворце, будто бы воздвигнутом в незапамятные времена на озере Сиху.

Серебряная Река — Млечный Путь.

Стр. 144. *Су Ши* (литературное имя — Су Дун-по, 1037—1101) — крупный китайский поэт

и художник. Ему принадлежит поэма в прозо-поэтическом жанре «Красная скала». Чон Чхоль имеет в виду начальные строки первой части этой поэмы.

Вот так Ли Бо заморожен был сказкой //
И утонул, когда ловил луну! — Согласно легенде, поэт Ли Бо утонул, погнавшись на ките за луной.

Стр. 145. *Я знаю, что безмерно он богат...* — Речь идет о богатстве духовного мира отшельника.

Летописи ханьские — подразумевается «История ранней династии Хань» («Цянь Хань шу») конфуцианского историографа Бан Гу (32—92 гг.).

Прав был Сюй Ю, когда в горах Цзишань //
Водой источника промыл он уши. — Сюй Ю — китайский отшельник, живший, по преданию, во времена легендарного Яо на горе Цзишань возле реки Инчуань. Когда Яо, прослышав о мудрости Сюй Ю, предложил ему престол, отшельник почел свой слух оскверненным таким предложением и поспешил промыть уши водой из реки.

Стр. 146. *«Ветер в соснах»* — мелодия, исполняемая на комунго, символ самого чистого в природе звука.

Время пить вино
(«Приглашая к вину»)

Стр. 147. *...Каждую из них цветком отмерим.* — Имеется в виду старинный обычай считать количество выпитых чаш по числу сорванных цветов.

Стр. 148. *Только обезьяны крик тоскливый // Над забытой прозвучит могилой...* — Аллегорическая картина безлюдного пейзажа, полная тревожного ожидания и тоски.

И что толку будет в сожаленьях... — Строка написана в подражание «Поминальной песне» Тао Юань-мина: «Но досадно мне то, // что, пока я на свете жил, // вволю выпить вина // так ни разу и не пришлось» (русс. пер. Л. З. Эйдлина в его книге «Тао Юань-мин и его стихотворения». М., 1967, с. 418).

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Концевич. Чон Чхоль и его поэзия . . . 5

I

«Как весело двум бабочкам порхать...» . . . 29
«Зачем, старик, несешь ты эту ношу?..» . . . 30
«Дождь, хмуро морозящий над полями...» . . . 31
«Одну струну на комунго я тронул...» . . . 32
«Над тихой водою тень скользнула...» . . . 33
«Что знаем мы, что помним о Лю Лине?..» . . . 34
Одинокий журавль (I, II)

I. «Журавль, всегда паривший в небе
синем...» . . . 35

II. «О, если бы, лишенный оперенья...» . . . 36
«Простой народ провинции Канвондо...» . . . 37
«О, как безжалостно в густом лесу...» . . . 38
О верности (I, II)

I. «Зачем ты остаешься в этом
доме...» . . . 39

II. «Нет на обед ни ячменя, ни про-
са...» . . . 40

«Пусть у меня всего одна рубаха...» .	41
«Вчера сказал мне кто-то, что вино...» .	42
Хозяин постоянного двора в Сэвоне (I—III)	
I	43
II	44
III	45
«Из горьких горных трав похлебку ем...»	46
«Когда отлив, а берега безлюдны...» . .	47
«Бывает, что и дерево зачахнет...» . .	48
«Вот ритм судьбы — падения и взлеты...»	49
«Когда тебя хотят уверить в том...» . .	50
«В столице, где любимая живет...» . .	51
«Взгляни во двор — совсем уже светло...»	52
«Эй, друг Чак Пок! Эй, Ту Джисо, мой друг!...»	53
«Из сердца своего луну и звезды...» . .	54
«Когда умру, пускай речные волны...» .	55
«О том, что я среди других — дурнуш-ка...»	56
«Снег падает — и белые цветы...»	57
«Сказал его величество король...» . . .	58
«Мой добрый конь с обвислыми уша-ми...»	59
«Минувшей ночью тучи собрались...» . .	60
«Когда бы мог я крыльями взмахнуть...»	61
«Неужто лес, пригодный на стропила...»	62
«Зачем поплыл ты, утлый наш челнок...»	63
«Мне ли завидовать чужому смеху...» .	64
«Я снова вспоминаю о тебе...»	65
«Чихни, чтоб даже носу стало больно...»	66

«Неужто окоlesiцу я нес...»	67
«Могучий вяз, растущий на пригорке...»	68
«Журавль уже куда-то улетел...» . . .	69
«Взгляни-ка: жемчуга сто тысяч мер...»	70
«Я вижу, как в единый цвет заката...» .	71
«Когда звезда Ноин встает на небе...» .	72
«Все разошлись. Закончена игра...» . . .	73
«В тот день, когда с любимой мы про-щались...»	74
Вспоминаю о прошлом (I, II)	
I. «Бывало, поздним вечером я шел...»	75
II. «Когда служил я в должности «су-чхан»...»	76
«Я знаю, это осень наступает...» . . .	77
«Ты проводил меня, и я уехал...» . . .	78
«Всего одной струны на комунго...» . .	79
«Бездельником я жил и шалопаем...» . .	80
«Пить будем кислое вино с тобой...» . .	81
«Приятель Ко свой камышовый домик...»	82
«По нежным листьям лотоса весь день...»	83
«Зачем ты встала, стройная сосна...» . .	84
«Любуюсь яшмовым старинным кубком...»	85
«Я ничего не слышу левым ухом...» . .	86
«К пятидесяти жизнь моя подходит...»	87
«Два будды каменных всю жизнь стоят...»	88
«Наверное, великому Цзя И...»	89
«С высокой башни, что парит донныне...»	90
Наставления, размышления, сомнения	
«Отец меня для жизни породил...» . . .	91

«О братья! Старший брат и младший брат!...»	92
«Обходит ли мужчина стороной...»	93
«Пусть ночью крик младенца не тревожит...»	94
«Два тела из единого создав...»	95
«Скончался муж — и горестные слезы...»	96
«Твой сын, я слышал, «Сяоцзин» прочел...»	97
«Покамест живы мать с отцом твои...»	98
«Ты приготовил все, чтоб в месяц скорби...»	99
«Эй, люди деревенские, давайте...»	100
«Когда сопровождаешь старика...»	101
«Такого друга верного, как этот...»	102
«О юноша! Я знаю, ты в тревоге...»	103
«Хотя и нечего тебе надеть...»	104
Я и вино	105
«Оставь «саннюк» и не играй в «чанги»!...»	107
«Правитель — словно Небо над людьми...»	108

II

Тоскую о милом	111
Разговор двух женщин	118
Путешествие в Квандон	123
Сонсанские напевы	139
Время пить вино	147
Примечания	149

Чон Чхоль.

Ч75 Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI века. Пер. А. Жовтиса. Подготовка текста, вступ. ст. и примеч. Л. Концевича. Подстрочный пер. стихов с кор. Н. Ицковой и Л. Концевича. М., «Худож. лит.», 1975

182 с.

Чон Чхоль (1537—1594) — популярный средневековый поэт-лирик, один из создателей корейской поэзии на родном языке. Некоторые стихи Чон Чхоля — отклик поэта на политическую борьбу при королевском дворе. В сборник «Одинокий журавль» вошли трехстишия (сиджо) и поэмы (каса) знаменитого корейского поэта-классика.

Ч 70404-349 -194-75
028(01)-75

И(Кор)